

НОРА РОБЕРТС

NO. 1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

Замкнутый круг

Нора Робертс
Замкнутый круг
Серия «Нора Робертс.
Мировой мега-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67590233
Замкнутый круг: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-04-168126-5

Аннотация

Еще вчера Келси посмеивалась над выходками властной бабушки Милисент Байден, когда та пыталась контролировать жизнь своевольной внучки. Однако сегодня ей открылись истинные мотивы поступков нестареющей авантюристки. Милисент никак не могла смириться с выбором своего сына. Она считала мать Келси, свободную и темпераментную красавицу

Наоми, недостойной счастья и много лет назад сделала все, чтобы разрушить молодую семью. Выросшей Келси теперь придется распутать клубок лжи и обмана, опутавший ее близких, восстановить круг доверия и отстоять свое право на любовь.

Книга также выходила под названием «Опасные тайны».

Содержание

Пролог	5
1	12
2	44
3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Нора Робертс

Замкнутый круг

Nora Roberts

TRUE BETRAYALS

Copyright © 1995 by Nora Roberts

Данное издание было опубликовано по соглашению с
Writers House и литературным агентством «Синописис»

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

Пролог

Доставая письмо из своего почтового ящика, Келси и подумать не могла, что оно пришло от женщины, которую она считала умершей и которая по странному стечению обстоятельств оказалась ее матерью¹. Бежевый конверт выглядел не столь значительным по сравнению с солидным конвертом из плотной дорогой бумаги с официальной печатью адвокатской конторы, в котором было запечатано свидетельство о разводе.

Один решительный росчерк пера вновь превратил молодую женщину Келси Монро в Келси Байден. Муж изменил ей с фигуристой подружкой по имени Лэри, сотрудницей из его рекламного агентства «Монро ассошиэйтс». Келси случайно застала своего супруга с любовницей, когда вошла в гостиничный номер с дорожной сумкой через плечо, приехав в Атланту с романтическим намерением провести с Уэйдом остаток его командировки. Бросив единственный взгляд на любовное гнездышко, свитое Уэйдом и Лэри в номере отеля, гордая и независимая Келси немедленно попросила развода. Она даже не успела спланировать, какой будет ее собственная жизнь после неудавшегося брака. Сейчас она пыталась рассуждать здраво. Бежать обратно к отцу и мачехе бы-

---

¹ Более подробно история отношений Келси с матерью и другими близкими раскрывается в романе Норы Робертс «Опасные тайны».

ло крайне унижительно, но что оставалось делать? Благодаря доходам мужа и собственным средствам из наследственного опекунского фонда, оставленного на ее имя дедом по отцовской линии, у Келси не было необходимости работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Она непрерывно с упоением училась самым разнообразным научным дисциплинам, начиная с антропологии и заканчивая зоологией. Но определенных планов на будущее у «вечной студентки» не было. И вот теперь странное письмо от матери открыло перед ней совершенно неожиданные перспективы.

Сначала Келси едет к Филиппу Байдену, своему отцу, декану факультета английской литературы Джорджтаунского университета. До сих пор любовь и вера в отца служили девушке ориентиром, надежным маяком в тревожном море жизни. Девочкой она безоговорочно принимала его и близких ему людей: мачеху Кендис и сводного брата Ченнинга Осборна. В юности – доверяла свои сердечные тайны. Неужели отец лгал ей о смерти матери? Для Филиппа письмо стало громом среди ясного неба. Не отвечая на вопрос, дрожащей рукой он взял бумагу и прочитал:

Дорогая Келси!

Я понимаю, как ты, должно быть, удивилась, получив это письмо. Но написать тебе раньше мне казалось неразумным и нечестным. Телефонный звонок, наверное, был бы в данной ситуации более уместным, но мне кажется, что тебе понадобится

некоторое время, чтобы все как следует обдумать. И принять решение. А письмо оставляет тебе несравнимо большую свободу выбора.

Они сказали тебе, что я умерла, когда ты была совсем крошкой. В некотором смысле так оно и было, и поэтому я согласилась с их решением пощадить тебя и избавить от всего того, что могло на тебя обрушиться. Но с тех пор прошло больше двадцати лет, ты больше не ребенок и, как мне кажется, имеешь право знать, что твоя мать жива. Пожалуй, это – не самая приятная новость, однако я так решила и никогда не буду об этом жалеть.

Если тебе захочется просто увидеть меня или у тебя появятся вопросы, требующие ответа, – приезжай. Я живу на ферме «Три ивы» в окрестностях Блюмонта, штат Виргиния. Срок действия этого предложения не ограничен. Если когда-нибудь ты решишь приехать, то сможешь остаться столько, сколько тебе захочется. В случае если ты никак не дашь о себе знать, я буду знать, что ты не хочешь поддерживать со мной никаких отношений. Надеюсь, впрочем, что любопытство, которое двигало тобой еще в детстве, заставит тебя, по крайней мере, один раз поговорить со мной.

Твоя Наоми Чедвик.

Филипп Байден мечтал вернуться на двадцать три года назад и помешать слепой судьбе превратить в прах его счастливую жизнь. Он смотрел на Келси, которая была удивительно

похожа на мать. Такие же светлые волосы и так же небрежно взъерошены, такие же темные глаза, и так же горит рубянец на высоких, резко очерченных скулах. Наоми Чедвик была студенткой Филиппа. Они поженились через полгода знакомства. Не прошло и пары лет, как молодые люди поняли, насколько разными людьми они были по характеру и складу ума. Наоми отличалась несгибаемой волей и внутренней свободой, была непосредственна, раскованна. После рождения Келси она вернулась на свою ферму в Виргинии, хотела растить дочку в родных стенах. Но жизнь на два города не способствовала укреплению семьи, и молодые люди решили развестись. В результате болезненного процесса об опеке девочку оставили Филиппу. Но даже если бы Наоми захотела, она не смогла бы видеться с дочерью – десять лет женщина просидела в тюрьме за убийство человека. Что же случилось на самом деле с ее матерью? Как она оказалась на скамье подсудимых?

За ответами на эти вопросы Келси Байден отправилась на ферму «Три ивы». По засыпанной гравием дороге ее машина подъехала к дому, который летней порой был укрыт листвой раскидистых ив, чьи тонкие ветви едва тронуты нежно-зеленой дымкой. В лучах яркого солнца она увидела мужчину и женщину. В женщине девушка, казалось, узнала саму себя, только на несколько лет старше. Мужчина, стоявший рядом с ее матерью, был высок и грациозен. Его темные волосы небрежно падали на воротник байковой рубашки. Глу-

бокие темно-голубые глаза округлились от легкого недоумения. Это был Гейб Слейтер – владелец соседской фермы «Рискованное дело». Какие отношения связывают Наоми с молодым красавцем Гейбом? Разобраться в этом, равно как и расследовать давнее уголовное дело матери, можно было, только оставшись на ферме на длительное время. Свободная от каких бы то ни было личных обязательств, Келси увольняется и переезжает к матери, окунаясь с головой в мир коннозаводчиков. Оказывается за последние десять лет «Ивы» стали одной из лучших коннозаводческих ферм США. На трех ближайших дерби² чемпионы фермы финишировали в призах, выигрывали и Бельмонт Стейкс, и Сент-Леджер. На протяжении двух лет ферма Наоми удерживает Золотой кубок коннозаводчиков, а одна из ее кобыл даже завоевала «золото» на Олимпиаде. Однако разведение лошадей – не единственная цель заводчиков. Замкнутый круг владельцев лошадей состоит из преданных делу фанатов, большая часть жизни которых проходит в конюшне и на треке ипподрома, где их и подстерегают опасности. Скачки для Келси всегда означали больше, чем лошади и скорость. Не они, а тотализатор и игроки – скверно пошитые костюмы, толстые сигары, пивной перегар и запах пота проигравших – вот что возникало в ее воображении. Наоми рассказала Келси, что «Риско-

---

² **Дерби** – во многих странах название скачек для чистокровных верховых лошадей в возрасте трех лет. Дистанция дерби составляет 2440 метров, или чуть больше полутора миль.

ванное дело» когда-то принадлежало Биллу Канингему, который получил эту ферму по наследству. Билл практически развалил свое дело. Он попал в полосу неудач: карта не шла ему несколько месяцев, лошади хромали и начинали проигрывать, на протяжении целого года ни один из его жокеев не взял ни одного призового места. Садясь за игровой стол, Билл сильно рисковал и пошел ва-банк, поставив деньги, которых у него в действительности не было. Изменчивая фортуна улыбнулась Слейтеру: молодой человек выиграл ферму – он получил то, о чем мечтал всю свою нелегкую жизнь.

Детство Гейба было голодным, потому что отец пропивал те жалкие гроши, ради которых мать с утра до вечера гнула спину. Его отец Рик Слейтер был пьяницей и мошенником. Больше шести лет о старом пройдохе ничего не было слышно, и вдруг Слейтер-старший появился на ферме сына, готовый осуществить давний план мести. Над головой молодого владельца «Рискованного дела» сгущаются грозовые тучи заговора, который затеяли Рик Слейтер и Билл Канингем. Одно за другим происходят страшные совпадения и смерти (лошадей, грумов). Дни шли за днями, но Келси и Гейб не замечали их стремительного течения. У нее была теперь своя лошадь, было увлечение удивительным и загадочным мужчиной и вновь пробудившийся интерес к матери, которую она начинала любить. В свою очередь Гейб впервые испытывает такие сильные чувства. Его непреодолимо влечет к Келси, и он всецело поглощен работой: тренирует отличного

гнедного чистокровного скакуна по прозвищу Дубль. Его соперница Наоми может похвастаться тем, что готовит в чемпионы отличного жеребца Гордость Виргинии. Эти двое стали главными фаворитами скачек.

– По коням! – прозвучала команда.

Лошади, жокеи, ассистенты, стартеры – все уже стояли по местам.

«Пошли!!!»

Рев, оглушительный рев на трибунах. Бросок из стартовых ворот, и вот уже первые футы дистанции легли под копыта. Столько ярких красок, столько звуков, столько волнения! Сначала Гордии вырвался на первую позицию. Все должно было решиться в эти последние минуты. Беда случилась перед шестнадцатым столбом. Гордии неожиданно споткнулся, и Келси увидела, как его передние ноги переломились, точно спички. Балансировавший на стременах Рено полетел вперед и кубарем покатился по земле. Пока кони и всадники лавировали в туче пыли, пытаясь обогнать неожиданное препятствие, жеребец попытался подняться, но снова рухнул на дорожку и остался лежать неподвижно. Со всех сторон к поверженному фавориту сбегались конюхи.

Вороной Гейба был первым у призового столба, преодолев дистанцию дерби за две минуты три и семьдесят пять сотых секунды и установив рекорд стадиона.

Совершая круг почета со своим жеребцом, Гейб не чувствовал никакой радости от победы. Желанный золотой кубок, чемпионская попона, расшитая красными розами, внимание прессы и телевидения – ничто не занимало его.

Почти не думал Гейб и о том обстоятельстве, что его залепленный грязью вороной, которого пытались запечатлеть на пленку многочисленные репортеры, отныне войдет в историю как виргинский чемпион, победитель дерби. Даже одетый в красно-белый шелк жокей, то и дело наклонявшийся с седла, чтобы похлопать Дубля по блестящей от пота шее или принять из рук болельщика букет цветов, был скорее мрачен и нисколько не походил на триумфатора.

– Мистер Слейтер... – только и сказал он, когда Гейб пожимал ему руку. – Что же это такое, мистер Слейтер?..

Гейб только кивнул.

– Ты хорошо скакал, Джоуи. Установил рекорд дерби.

При этом известии ни на пыльном лице жокея, ни в его глазах, вокруг которых благодаря защитным очкам кожа осталась чистой, не отразилось ни тени радости.

– А как Рено? Как Горди?

– Пока не знаю. Наслаждайся моментом, Джоуи, – в конце концов, ты и Дубль это заслужили, – с этими словами Гейб обхватил вороного за шею и прижался к нему щекой, не об-

ращая внимания на влажную от пота пыль, покрывавшую его кожу. – С остальным будем разбираться потом.

Он сделал шаг в сторону и повернулся к Джемисону, стараясь скрыться за лошадью от направленных на него телекамер.

– Ты был ближе, Джеми. Ты можешь сказать, что случилось?

Джемисон, в глазах которого все еще видны были следы пережитого потрясения, молча вертел в руках пышный букет роз.

– Он упал, Гейб... – пробормотал он. – Этот чудо-жеребец вдруг упал как подкошенный...

Неожиданно он поднял голову, и в его взгляде промелькнуло уже не потрясение, а самое настоящее отчаяние.

– Дубль бы сделал его, Гейб! Пусть на последних футах, под самой проволокой, но догнал бы, – проговорил он почти умоляюще. – Я чувствую это, я знаю это наверняка!

– Теперь это не важно, Джеми. – Гейб опустил руку на поникшее плечо своего тренера, желая как-то его подбодрить. Как ни горек был вкус сегодняшней победы, все-таки это была победа.

Служба безопасности ипподрома сработала четко и быстро. Охранники сдерживали прессу и болельщиков, так что Келси, сидевшая за переносной ширмой, лишь изредка видела мелькающие на легкой ткани тени и слышала далекие возбужденные голоса. Кто-то о чем-то спрашивал, кто-то че-

го-то требовал, кто-то уже праздновал выигрыш, но все это был другой мир, от которого ее отделяла лишь тонкая белая преграда, разделившая жизнь и смерть, словно стена. Здесь, внутри пространства, огороженного ширмой, царило горе, а самым громким звуком были безутешные всхлипывания Наоми.

Моисей подошел к Наоми, погладил по голове и, прижав к себе, стал раскачиваться из стороны в сторону, словно баюкая ее.

– Мо! – окликнула его Келси. – Скажи, почему?

– Не надо мне было ставить... – это прошептал Боггс. Он стоял рядом, прижимая к груди скаковое седло, и по лицу его текли частые слезы. – Не надо было...

Келси наклонилась и нежно погладила жеребца по бархатной шее. Он был такой мягкий, такой спокойный и тихий...

Потом ее внимание переключилось на покрывавшую некогда лоснящуюся шкуру корку пыли и грязи. То были следы отчаянных усилий и борьбы, которую Горди вел на дорожке, и Келси отвлеченно подумала, что, если бы все кончилось по-другому, сейчас бы его уже мыли, чистили, баловали яблоками, которые он так любил.

В последний раз погладив Горди, она заставила себя подняться, потом подобрала забитые землей наглазники и протянула Боггсу.

– Отнеси его вещи обратно в конюшню.

– Это неправильно, мисс Келси, так не делают.

– Да, неправильно... – При мысли о том, насколько это неправильно и несправедливо, Келси почувствовала, как у нее заныло сердце. – Но ты все равно позаботься о его вещах, как и всегда. Кроме того, нужно увести отсюда Наоми.

– Кто-то должен остаться... ну, чтобы проследить за...

– Я останусь.

В глазах Боггса все еще стояли слезы, когда он поднял голову и посмотрел на нее.

– Хорошо, мисс Келси.

Он повернулся и, словно оруженосец, уносящий с ристалища расщепленный щит и сломанный меч своего господина, зашаркал прочь.

Призвав на помощь все свое самообладание, Келси шагнула к Наоми.

– Ты нужен ей, Мо. Может быть, ты отвезешь ее обратно в отель?

– Здесь еще полно дел, Келси.

– Что смогу, я сделаю. Что-то ведь можно будет отложить и до завтра... – Она опустила руку на спину Наоми и несколько раз погладила, словно стараясь умирить сотрясающую ее тело дрожь. – Мама... Поезжай в отель, мама...

Из них троих один только Моисей заметил, что Келси впервые назвала Наоми «мамой».

Раздавленная горем и неизбывным чувством вины, Наоми тяжело поднялась с перевернутого ведра – только для того, чтобы повиснуть на плече тренера. Взгляд ее в последний

раз упал на мертвого жеребца. Гордость Виргинии, подумала Наоми. Ее гордость...

– Ему было только три года, – прошептала она. – Три года я ждала, и вот...

– Не надо, – быстро, но твердо сказала Келси, хотя ей тоже приходилось сражаться со своими собственными демонами. – Там, снаружи, слишком много людей. Ты должна держаться, должна показать им, что ты не сломлена.

– Да. – Наоми повела из стороны в сторону невидящими глазами. – Я должна держаться. Держаться...

Келси подвела ее к выходу и, отведя в сторону подвижную секцию ширмы, невольно поморщилась при виде множества лиц. Она знала, что переживания сегодняшнего дня – предстартовое волнение, азарт гонки, ужас, который она испытала при падении Горди, – все это навсегда останется в ее памяти. Келси помнила, какая жуткая тишина вдруг установилась на трибунах, помнила, как медленно – словно пловцы под водой – бежали к роковому месту конюхи, помнила отчаянную суету и попытки убрать с дорожки упавшую лошадь и всадника.

Долго ли еще она будет закрывать глаза и видеть перед собой, как неестественно и внезапно подогнулись тонкие передние ноги Горди?

Или слышать приглушенные рыдания Наоми?

– Келси! – Едва завершив круг почета, Гейб сразу же ринулся к конюшням. Он все еще надеялся на чудо, но сразу

все понял, как только увидел ее лицо.

– Черт побери! – пробормотал он, крепко прижимая ее к себе. – Его пришлось усыпить, да?

Келси всего лишь на мгновение позволила себе расслабиться и прижаться лицом к его широкой груди; потом она решительным жестом отстранила Гейба от себя.

– Нет. Он был уже мертв. Боггс подбежал к нему одним из первых, но все уже было кончено.

– Прости, ради бога, мне очень жаль. А как Рено?

Келси судорожно вздохнула, но снова взяла себя в руки.

– Его увезли в больницу. Дежурный уверен, что ничего серьезного нет, но мы ждем, что скажут специалисты.

Она выпрямилась и смахнула со щек слезы.

– Ну ладно, мне надо заниматься делами.

– Ты же не собираешься одна тащить на себе весь этот воз... – запротестовал было Гейб, но Келси отмахнулась. Она чувствовала, что стоит ей только уступить, стоит принять помощь, и горе раздавит ее. Нет, пока она не согнется – она будет стоять.

– Я должна. Ради моей матери, ради Горди... Увидимся в гостинице.

– Я не оставляю тебя одну.

– У меня есть Боггс, да и другие тоже.

Пламя в глазах Гейба неожиданно погасло; он коротко кивнул и шагнул назад, оставив Келси стоять одну рядом с поверженным чемпионом.

– Хорошо, не буду мешать. Если тебе что-нибудь понадобится – обратиться к Джемисону, он еще долго пробудет здесь.
– Спасибо.

* * *

Это был настоящий кошмар. Когда около полуночи Келси, пошатываясь от усталости, ввалилась в вестибюль отеля, все ее чувства представляли собой сплошную рану, из которой сочились последние капли крови. Она знала, что официальные лица уже переговорили с Моисеем и с ее матерью и, следовательно, Наоми уже знает, что произошло. Она не просто потеряла призового жеребца. Случившееся не было ни случайностью, ни невезением, и даже Боггс, в последний момент все-таки поставивший на Горди, был совершенно ни при чем.

Это было заранее спланированное убийство.

Незадолго до старта Горди получил смертельную дозу амфетамина. Пока скакун мчался к первому повороту, пока он летел вдоль дальней от трибун дорожки, пока рвался к финишу, его сердце усиленно сокращалось под действием адреналина и наркотика, распространившегося по всей нервной системе. И в конце концов у шестнадцатого столба большое сердце Горди не выдержало...

Теперь всем им придется научиться терпеливо отвечать на вопросы, не реагировать на слухи и обвинения, убеждать

следствие в том, что это не они сами ввели своему фавориту наркотик в надежде, что после финиша следы амфетамина каким-то чудом не будут обнаружены в слюне лошади.

Или Горди убил кто-то из конкурентов? Кто-то, кто очень хотел выиграть приз – или сорвать банк. Кто-то, кому так нужна была победа, что он не пожалел лошадь и даже рискнул поставить под угрозу жизнь жокея.

И все же Келси не замедлила шаг у дверей номера Наоми. Что она может прибавить к тому, что ее мать уже знает? Что касается утешений, то у Наоми есть Моисей, который сумеет успокоить ее и хотя бы частично вернуть ей уверенность в будущем.

Подумав так, Келси решительно пошла к дверям своей комнаты, но остановилась. Несмотря на усталость, ее возбуждение было еще столь сильным, что Келси буквально вскипала лихорадочной энергией, а мысли метались, словно испуганные птицы, и никак не хотели успокоиться. В конце концов, словно подхваченная порывом ветра, она быстро прошла вдоль коридора и постучала в дверь номера Гейба.

Гейб не спал. Он не ожидал, что Келси зайдет к нему – во всяком случае сегодня, после того как она столь бесцеремонно его отослала. Когда Гейб узнал все обстоятельства гибели Горди, он решил, что теперь ей точно будет не до него. Но вот она возникла на пороге его комнаты – с темными кругами под глазами и таким усталым и бледным лицом, что в первые секунды оно показалось Гейбу почти прозрачным.

Тем не менее, пропуская ее в комнату, он не сказал ни слова.

– Ты слышал? – были ее первые слова.

– Да, слышал. Присядь, Келси, иначе ты упадешь.

– Не могу. Я боюсь, что если я сяду, то потом не смогу встать. Кто-то убил Горди, Гейб! К этому выводу в конце концов придут все. Кому-то было очень важно, чтобы Горди выбыл из борьбы...

Гейб пересек скромную гостиную и, открыв дверцы бара с напитками, принялся вскрывать бутылку минеральной воды.

– Мой жеребец пришел первым, – небрежно заметил он.

– Да, я знаю, – машинально откликнулась Келси. – Прости, я тебя даже не поздравила...

Тут она увидела его глаза и осеклась.

– Ты что, думаешь, я пришла сюда, чтобы обвинять тебя в нечестной игре? Или для того, чтобы спросить, не имеешь ли ты какого-нибудь отношения к этому?

– Это было бы только логично, – ровным голосом отозвался Гейб, хотя внутри его все кипело. Недрогнувшей рукой он налил минералки в высокий стакан с двумя кубиками льда.

– Да пошел ты к черту вместе с твоей логикой, если ты так обо мне думаешь!

– Как я о тебе думаю?.. – Гейб хрипло рассмеялся, но сразу оборвал свой смех. – Что и как я о тебе думаю, не имеет в данном случае никакого значения. Факты же таковы: ваш фаворит упал, а мой был первым у столба. Эта победа при-

несла мне что-то около миллиона долларов разом, не говоря уже о тех суммах, которые я могу заработать на потомстве. Миллион долларов – это достаточно серьезный мотив для убийства, и большинство так и подумает.

– Большинство, но не я! – Келси так резко оттолкнула предложенный Гейбом стакан с минеральной водой, что половина его содержимого выплеснулась на ковер. – Значит, ты предпочитаешь факты и логику, Слейтер? Тогда я должна указать тебе на один существеннейший изъян в твоих рассуждениях. Ты забыл самое важное – характер.

– Ага... – Гейб поставил ее стакан на низкий журнальный столик и сделал большой глоток из своего. – Ну что же, характер у меня известный... И репутация не ахти!

– Позволь мне кое-что рассказать тебе... правду о крутом парне по имени Гейб Слейтер. Ты же втюрился в лошадей, Гейб! Ты очарован ими, влюблен в них, предан им, как какая-нибудь двенадцатилетняя девчонка, которая грезит о своем принце. – Резким движением Келси вскинула голову, заметив, как непроницаемые прежде глаза Гейба произвольно расширились.

– Как-как? – переспросил он. – Я что-то не...

– Ты их любишь. Любишь! Или ты рассчитывал, что никто не узнает о том, как ты хотел выкупить у Канингема его кобылу, потому что тебя беспокоило, как с ней обращаются?

Гейб уже совладал с собой, но Келси успела рассмотреть, что творится в его душе, и продолжала наступление:

– Или ты думал, что твои люди будут молчать о том, как ты играешь с жеребятами, точно со щенками, или как ты ногами напролет сидишь в конюшне возле больной лошади? Да ты просто мальчишка, Слейтер!

– Лошади – это мой капитал.

– Лошади – это твоя самая большая любовь, Слейтер. И еще одно... – Она ткнула пальцем ему в грудь. – Мне не по душе, когда ты говоришь мне о том, что – как тебе кажется – я должна подумать. Я не думаю, Гейб, я знаю. Ты хотел выиграть дерби так же сильно, как и я, но взять приз путем грязных махинаций и победить честно – совершенно разные вещи. Человеку, которому не раз случалось играть, не имея ни малейшего шанса на успех – играть и все-таки выигрывать, – это должно быть очевидно. Так что если ты серьезно собираешься стоять здесь и жалеть себя вместо того, чтобы посочувствовать мне, – тогда я, пожалуй, пойду. Спокойной ночи, Слейтер.

– Постой! – Гейб схватил ее за руку, прежде чем Келси успела выскочить за дверь. – Ты слишком торопишься спустить курок, дорогая....

Он отставил в сторону стакан с минералкой и потер ладонью грудь.

– Да и мишень у тебя такая, что не промахнешься, – добавил он и неожиданно страдальчески сморщился. – Ладно, ты права. Может, мы все-таки присядем?

– Ты садись, а я постою. Мне надо выпустить пар.

Гейб не торопясь опустился на диван. Он никак не мог понять, смутили ли его откровения Келси или, наоборот, обрадовали.

– Мне очень жаль, Келси. Я понимаю, что слова мало что значат, но все-таки прими мои соболезнования.

– Я стараюсь поменьше думать о том, как мне сейчас скверно. Больше всего меня заботит, как переживет потерю Наоми.

– Она справится и снова восстанет из пепла. – Он сказал это совершенно серьезно, и Келси кивнула.

– Надеюсь, нам всем хватит сил, чтобы преодолеть все трудности. – Келси вздохнула и, пройдясь по ковру, взяла со столика один из стаканов, чтобы промочить пересохшее горло. – Я чуть в обморок не упала, когда мне сказали о наркотиках. Это было все равно что потерять Горди еще раз. Теперь судьи проверяют урны с использованным медицинским инструментом – каждую иглу, каждый одноразовый шприц, но даже если они что-нибудь найдут, что это изменит? Горди не вернешь.

– Если скаковая комиссия найдет иглу, которая убила его, то она, возможно, поможет выйти на человека, который это сделал.

Келси упрямо покачала головой.

– Я так не думаю. Я не верю, что преступник... убийца мог быть столь небрежен, чтобы оставить такую важную улику. Даже если это произошло, то на игле вряд ли найдутся

пригодные для идентификации отпечатки пальцев. – Снова разнервничавшись, Келси засунула руки в карманы, но тут же снова вынула их и продолжила оживленно жестикулировать. – Только подумать, Гейб! Когда я найду того, кто это сделал – а я найду негодяя, чего бы мне это ни стоило, – я заставлю его страдать. Долго страдать!

Келси снова схватила со столика стакан с газировкой и стала смотреть, как со дна поднимаются цепочки серебряных пузырьков.

– Горди сжег свое сердце дотла. Он сражался до конца и даже хотел встать после того, как упал... – Она вздрогнула, но тут же обуздала свое горе. – Рено еще легко отделался – он вывихнул плечо и сломал ключицу, но это – сущая ерунда. И слава богу!

– Джоуи мне рассказал. Через несколько недель Санчес снова будет в строю.

Хватит горевать, думай о завтрашнем дне, приказала себе Келси. Переключить передачу – и вперед!

– Да, его можно выпустить на приз Прикнесс, – задумчиво проговорила она. – Ты знаешь нашего жеребца по кличке Прилив? Он может выступить довольно прилично.

– Умница, – пробормотал Гейб.

Келси улыбнулась.

– Нам придется сделать еще очень много, Гейб. Я видела, как увозят Горди... Это очень больно. Мне еще никогда не приходилось терять никого из близких, но я даже предста-

вить себе не могла, что первой потерей будет лошадь. Мне было очень больно, Гейб. Я любила его.

– Я знаю.

– И ты тоже... – Она подошла к дивану и приложила ладонь к щеке Гейба. – Извини меня, что я прогнала тебя, когда ты предложил мне помощь. Если бы ты остался со мной, я бы расслабилась, и тогда меня пришлось бы откачивать с валерьянкой и прочим. Зато когда на меня свалилось столько забот сразу, на то, чтобы рыдать и рвать на себе волосы, просто не осталось ни сил, ни времени. К тому же я была уверена, что справлюсь.

– Мне показалось, что ты не хочешь видеть меня, потому что я выиграл.

– Я рада, что ты выиграл. Это было единственное приятное известие за весь день. Если бы я смогла, то обязательно посмотрела бы, как вы выходите на круг почета и как вам вручают кубок.

Келси рассмеялась и полезла в карман.

– Боже, я совсем забыла! – воскликнула она. – Гляди! – Она протянула Гейбу два билета тотализатора, один был выписан на Дубля, второй – на Гордость Виргинии. – Это я застраховалась!

Гейб поглядел на билеты и почувствовал себя растроганным, как если бы Келси поклялась ему в вечной любви.

– Ты поставила одинаковую сумму на каждого.

– Это потому, что оба значили для меня одинаково много.

Гейб поднял голову. Гнев Келси улегся, вызванный им румянец тоже исчез со щек, и ее лицо снова стало бледным, словно фарфор тонкой работы; огрубевшие от работы ладони были все так же изящны и длинны; элегантный голубой костюм, который Келси надела на скачки вместе с туфельками на высоком каблуке, сидел на ней как влитой.

Его рука сама потянулась к ней и легко коснулась непослушных прядей, выбившихся из заплетенной на французский манер косы. Волосы Келси имели цвет спелой ржи, тронутой золотыми лучами утреннего солнца.

Молчание Гейба и неожиданное прикосновение заставили сердце Келси бешено забиться. Ей пришлось напомнить себе, что она смертельно устала, что она выжата досуха, и, наверное, так оно и было в действительности. Несколько часов кряду Келси то сражалась с репортерами, которым непременно нужно было знать все подробности, то пыталась скрыться от них, что требовало не меньших усилий. В конце концов ей все же пришлось ответить на некоторые вопросы; при этом она попыталась сделать все возможное, чтобы опровергнуть самые невероятные предположения. И это была только первая волна. Келси понимала, что падкая до сенсаций пресса не оставит в покое ни ее, ни Наоми. Пытаясь справиться со всеми делами, она выложились до конца... так откуда взялся этот новый прилив сил?

– Уже поздно. Я, пожалуй, пойду. – Она не хотела, чтобы Гейб подумал, будто она спасается бегством, но, когда он

вдруг поднялся, Келси непроизвольно шагнула к выходу. – Мне надо проведать Наоми.

– У нее есть Моисей.

– И тем не менее.

Вот теперь Гейб улыбнулся, и его взгляд неожиданно потеплел.

– И тем не менее... – повторил он.

– Сегодняшний день был очень длинным.

– Длинным и тяжелым, – согласился Гейб. – В такие дни все без исключения мысли и чувства человека приходят в движение и, так или иначе, показываются на поверхности. Безумно интересно читать на твоем лице все, о чем ты в данный момент думаешь и что чувствуешь. Безумно интересно и... эротично.

Он придвинулся ближе, но все еще не трогал ее.

– Желания, сомнения, побуждения... инстинкты...

Интересно, мимолетно подумала Келси, как все это может не отпечататься на моем лице, когда внутри меня бушует настоящий шторм?

– Я не слишком хороший партнер, Гейб. Да, впрочем, ты, наверное, и сам знаешь.

– Не слишком хороший партнер – для чего?

– Для... – Продолжая отступать, Келси наткнулась на кресло, выругалась и обогнула препятствие. – Я недостаточно хорошо владею всей этой наукой – соблазнение, игра в сопротивление, сдача в плен, утоление сладострастия. Да и

момент...

– Момент чертовски неподходящий, – согласился Гейб. Он уже готов был отступить и оставить ее в покое. Пусть ему будет плохо потом – это он как-нибудь сумеет пережить. – Иными словами, в данный конкретный момент времени ты не хочешь меня. Тебе придется сказать «да» или «нет», Келси. Сказать прямо сейчас.

– Я попытаюсь, если ты дашь мне подумать. – Она снова отпрянула от него, когда Гейб уперся ладонями в стену – слева и справа от ее головы.

– Ты еще не просчитала все шансы и мероприятие кажется тебе рискованным, да?

Гейб почувствовал, как в нем начинает подниматься, набирать обороты знакомая бесшабашная удаль. Что впереди, победа или проигрыш? Сейчас это его не волновало.

– Ставки высоки, не правда ли? – поддразнил он. – И безопаснее всего было бы сбросить карту, так? Ты этого хочешь? Безопасности?

Почти не отдавая себе отчета в своих действиях, Келси отрицательно покачала головой и тотчас заметила проскользнувшее в глазах Гейба выражение триумфа.

– К чертям шансы! – Гейб прижал ее к себе. – Вперед, без оглядки, без расчета!

Келси отбросила прочь логику и осторожность – сейчас они только мешали ей. Она хотела получить то, что он предлагал, – хотела чувствовать его торопливые руки на своем

теле и его жадный рот на своих губах. Каким бы ни был риск, игра уже захватила ее.

Келси попыталась что-то сказать, но с губ ее сорвалось только удивленное восклицание, когда Гейб с силой прижал ее к стене и сорвал с плеч жакет. Она не ожидала от него такой неожиданной и сильной реакции... как и от себя самой. Ведь и ее пальцы торопливо дергали пуговицы и разрывали тонкую ткань его рубашки, торопясь скорее коснуться гладкой прохладной кожи.

Наконец она почувствовала его тело – крепкое, мускулистое и вместе с тем – податливое. В приливе страсти Келси приникла губами к его губам и никак не могла оторваться.

Она не хотела ни нежных слов, ни медленных ласк. Что-то извергалось внутри ее, опасное, жгучее, и она изо всех сил стремилась к тому, чтобы то, что должно было случиться, случилось как можно скорее. Шторм, ураган, циклон – вот чего ждала она от этих объятий. Возьми меня, возьми скорее, мысленно молила она; эта мысль была единственной, она пульсировала в ее мозгу и растекалась по жилам огнедышащей лавой. Потом она услышала свой собственный смех. Он показался Келси низким, сиплым и каким-то чужим, но это, несомненно, был ее смех, потому что он повторился, как только Гейб ожег поцелуем ее шею и плечо, с которого сползла смятая блузка.

Именно смех Келси, прозвучавший неожиданно резко и громко, словно отточенная бритва, рассек последнюю ниточ-

ку, которая удерживала Гейба в рамках цивилизованности. С почти звериным рычанием он схватил Келси за руки, заставил поднять их над головой и впился взглядом в ее лицо. Келси вся дрожала, но ее глаза потемнели от страсти, а нижняя губа слегка выпятилась, словно обозначая вызов.

Продолжая прижимать ее запястья к стене, Гейб с такой силой рванул блузку на груди Келси, что крошечные золотые пуговицы разлетелись во все стороны. Тело ее завибрировало, словно струна, которую рванули слишком грубо, но взгляд так и остался прикован к его лицу.

Под шелковой блузкой оказалась почти символическая шелковая рубашечка, которая едва охватывала полные груди Келси и исчезала под поясом юбки. Гейб слегка отстранился и, опустив руку, стал подниматься вверх по ее ноге, пока не нащупал кружевной верх чулка. Потом он увидел, как изменился взгляд Келси в тот момент, когда он зачерпнул ладонью пламя, которое сам же и разжег. И, забыв обо всем на свете, Келси ринулась в это пламя.

Она негромко вскрикнула и – потрясенная, растерянная – стала отчаянно бороться с его рукой, взбрыкивая, словно мустанг, впервые почувствовавший на своей спине седока. Ощущения захлестывали ее и то поднимали на гребень, то швыряли в пропасть, то жгли огнем, то обдавали холодом, заставляя окружающий мир вращаться все быстрее и быстрее вокруг одной-единственной точки, которая, словно сжимающийся кулак, росла и вспухала где-то внизу живота. От

страха и наслаждения Келси закусил губу и замотала из стороны в сторону головой, чувствуя, как тает и течет ее тело.

Ее освобождение было похоже на гейзер, который, глухо ворча и сотрясая окрестные скалы, поднимается все ближе к поверхности земли. Неостановимый, как любая стихия.

Едва только Келси почувствовала, что ее силы на исходе, – когда затихли все звуки, а перед глазами померк калейдоскоп радужных огней, – Гейб снова начал подниматься по ее ногам снизу вверх. Его сильные руки властно и грубо потянули юбку, губы жадно коснулись шелковых кружев лифа и стали опускаться вместе с ними, освобождая груди, так что его жаркое дыхание опалило долину между ними.

Запах и вкус ее кожи показались Гейбу изысканными, экзотическими, приправленными сладким потом и прохладными, как вода. Он слышал ее частые судорожные вздохи, слышал тоненькое поскуливание, которое время от времени рождалось в ее горле, чувствовал, как сильно и громко стучит под его ладонями и руками сердце. Ногти Келси впились ему в спину, тело напрягалось, вздрагивало и трепетало под его прикосновениями, но это доставляло Гейбу ни с чем не сравнимое, почти животное наслаждение.

Он опустил руку к поясу, и его пальцы встретились с ее руками – настырными, словно два роющих нору зверька, лихорадочно бегающими, торопливыми, стремящимися как можно скорее расстегнуть ремень, пуговицы и сорвать с него эти дурацкие брюки!

Едва освободившись от этого последнего предмета одежды, Гейб вошел в нее, вошел сильно и глубоко. Его пальцы оставляли красные пятна у Келси на бедрах. Воздух задрожал от их слившегося воедино стоны, когда Гейб оторвал Келси от земли и заставил раскрыться еще больше, обвив ее ноги вокруг своих бедер. Потом его рот снова нашел ее губы, заглушив всхлипы и стоны, которые оба издавали, мчась навстречу горячему и бурному финишу.

Келси уронила голову на плечо Гейбу. Ее тело, еще недавно наэлектризованное приливом энергии, обмякло. Если бы не Гейб, который продолжал прижимать ее спиной к стене, она бы, наверное, без сил сползла на пол.

– Кто п-победил? – выдавила Келси.

Глотнув ртом воздуха, Гейб пробормотал:

– Не имеет значения. Господи Иисусе, Кел, ты просто восхитительна!

Сил, чтобы оспаривать это утверждение, у нее уже не осталось. Разум ее только начал проясняться, и первое, о чем подумала Келси, это о том, что свое первое долгожданное и страстное соитие они совершили стоя. Потом Келси поискала взглядом свою одежду и увидела, что она, разорванная и смятая, валяется на полу у их ног.

– Такого со мной еще не бывало, – пробормотала она. – Никогда...

– Вот и хорошо. – Гейб подхватил ее на руки, подумав,

что иначе они так и простоят у стены всю ночь, словно два пьяницы, изгнанные из забегаловки.

– Нет, я...

Келси замолчала, заметив, что на левой ноге каким-то образом задержалась одна туфелька на высоком каблуке. Сбросив ее резким движением, она прильнула головой к груди Гейба.

– Нет, действительно никогда. Когда я была замужем, мы просто... Ну, в общем, не важно.

– Нет уж, договаривай, – Гейб внес ее в спальню. – Я люблю сравнения, особенно когда они в мою пользу.

– Но мне почти не с чем сравнивать. У меня... Кроме Уэйда, у меня никого не было.

Гейб уже собирался опустить ее на кровать, но остановился и внимательно посмотрел на нее.

– Значит, до Уэйда у тебя никого не было? Никого-никогошеньки?

Ну вот, мрачно подумала Келси, опять та же самая проблема. Ну почему я не умею держать язык за зубами?

– Ну и что?

– Ничего. – Гейб выпрямился и поцеловал ее еще раз. Он всегда считал подобные фантазии глупыми и эгоистичными, но сейчас ему хотелось вообразить себя ее единственным мужчиной. Что до Уэйда, то и самую память о нем он намеревался выкорчевать с корнем. Хотя бы для того, чтобы получить от этого удовольствие.

Он уронил Келси на кровать, так что она дважды подпрыгнула на мягком пружинистом матрасе.

– Я всегда знал, что твой бывший – подонок, но теперь я вижу, что он еще и идиот.

– Спасибо. Я тоже так считаю.

Увидев, что Гейб продолжает разглядывать ее, Келси попыталась надеть лифчик, но обнаружила, что он разорван.

– Тебе придется одолжить мне что-то вроде купального халата – не могу же я в таком виде идти по коридору.

Гейб улыбнулся и, укрыв ее одеялом, улегся рядом.

– Честное слово, Гейб, как я пойду к себе в этой рубашке? – Келси потрогала смятый шелк комбинации. – В том, что от нее осталось, – поправилась она.

– Ты просто понятия не имеешь, как она тебе идет, – с чувством сказал Гейб и провел ладонью по ее груди. – Впрочем, в ближайшее время я собираюсь вовсе освободить тебя от этих шелестящих шелков и прочего.

– В ближайшее время? – Сердце Келси отчаянно застучало, когда Гейб лениво погладил ее сосок большим пальцем. – Я не могу... Ты не можешь...

– Еще как могу! – Гейб изогнул бровь. – Или хочешь поспорить?

* * *

Она поспорила и проиграла. Несколько раз подряд. Когда

рассвет вполз в окна, Келси пластом лежала на Гейбе. Сил больше не было, но ее тело продолжало слегка вздрагивать после последнего бурного финиша. Мозг сковала усталость, она оступела, но спать почему-то не хотелось.

– Мне нужно идти, – пробормотала она. – Надо на ипподром.

– Тебе надо поспать и поесть, – возразил Гейб. – Потом мы вместе пойдем на ипподром.

– Нельзя ли заказать кофе? – Усталость все же взяла свое, и речь Келси звучала невнятно. – Я... – Не договорив, она широко зевнула.

– Конечно. Чуть попозже. – Он погладил ее по волосам и по спине, но не для того, чтобы снова возбудить, а для того, чтобы убаюкать. – Вздремни.

– Который час?

Гейб посмотрел на часы.

– Начало пятого, – соврал он без колебаний. На самом деле было ровно шесть.

– Ну хорошо... пару часиков. – Келси свернулась калачиком, и ей сразу стало казаться, будто она, легкая точно перышко, летит вниз по все расширяющемуся тоннелю.

Гейб осторожно сдвинул ее на середину кровати, убрал с лица спутанные волосы и накрыл одеялом. Лицо Келси все еще было бледно, темные круги под глазами напоминали мазки теней на молочно-белом мраморе. Несколько минут Гейб просто смотрел, как она спит, смотрел и чувство-

вал, что влюбляется все сильнее. Это ощущение было ему настолько непривычно, что он отшатнулся от кровати, напомним себе, что между жарким сексом и горячей любовью обычно пролегает огромная дистанция.

Он хотел ее – теперь он ее получил. Что будет дальше, Гейб сказать затруднялся. Для него было очевидно, что Келси нужен не только любовник, но и преданный друг, и, поскольку он собирался выступить в обеих этих ипостасях, Гейб решил, что настала пора попробовать быть другом.

Он принял душ, потом вернулся в спальню и стал одеваться. Келси не пошевелилась. Нисколько не колеблясь, Гейб разыскал в гостиной ее сумочку и открыл ее. Внутри он обнаружил кошелек, пачку салфеток, записную книжечку в кожаном переплете и – к своему огромному удивлению и удовольствию – деревянный крючок для чистки копыт. Ключ от комнаты Келси был заперт на «молнию» в маленьком боковом кармашке, где, кроме него, хранился тюбик натуральной губной помады, миниатюрный флакончик духов (Гейб не удержался и, отвинтив крышку, понюхал) и двадцатидолларовая банкнота. Что ж, именно эти вещи и должны были быть в сумочке у такой женщины, как Келси.

Он сунул ключ в карман брюк и вышел в коридор бесшумно, притворив за собой дверь.

У комнат Наоми Гейб остановился и постучал. Не успел он опустить руку, как дверь отворилась – на пороге стоял Моисей. Тренер выглядел усталым и озабоченным, но, уви-

дев Гейба, улыбнулся и протянул руку.

– Поздравляю. Извини, что не сделал этого раньше...
Твой Дубль отлично справился.

– У него были сильные соперники. – Гейб покачал головой. – Не так бы я хотел выиграть...

– Да... – Моисей хлопнул его по плечу и проводил в гостиную. – Нам всем было тяжело, а когда мы узнали, в чем дело, так стало еще хуже.

– Значит, никаких новостей пока нет?

– Официальное расследование идет полным ходом, но «Ивы» обязательно предпримут свое собственное расследование. – Глаза Моисея холодно сверкнули. – Пока мне известно только одно – кто-то очень хотел, чтобы эта лошадь умерла. Для нас это большая потеря.

– Все, что я смогу... я или кто-нибудь из моих людей – вам достаточно будет только сказать. Мне не меньше вашего хочется узнать, кто это сделал... – Гейб увидел, что дверь спальни отворилась, и невольно повернул голову. В гостиную вышла Наоми.

Если бы она была боксером, то про нее можно было бы сказать, что после вчерашнего нокаута она вполне оправилась и пребывает в полной боевой готовности. По лицу ее, во всяком случае, нельзя было заметить ровным счетом ничего. Ни следа пережитого, никаких признаков горя, вчерашней незащищенности, хрупкости... Наоми была одета в темно-бордовый костюм – единственный из всех, что были у нее

с собой, который мог сойти за траурный; лицо не выдавало никаких чувств, кроме сосредоточенной решимости.

Как и предвидел Гейб, Наоми восстала из пепла.

– Я рада, что ты пришел. – Наоми подошла к нему, обняла за шею и прильнула щекой к щеке. – Нам обоим придется нелегко. – Она чуть-чуть отодвинулась от него, но рук не расцепила. – Уже появились самые разные слухи, в том числе и о том, что ты можешь быть в этом замешан. Я хочу, чтобы мы объединили свои силы.

– Я тоже.

– Мне очень неприятно то, что случилось, неприятно и обидно, Гейб. Обидно за себя, за тебя, за скачки вообще... И все-таки нам придется как-то улаживать этот вопрос. Я только что назначила пресс-конференцию и хочу, чтобы ты тоже на ней был.

– Где и когда?

– Сегодня в полдень на ипподроме. – Наоми улыбнулась и погладила его по щеке. – Мне кажется, это важно, чтобы пресс-конференция состоялась именно там. Горди мы забередем домой сразу после того, как получим подробный отчет о вскрытии...

Наоми ненадолго замолчала, потом решительно выдохнула воздух и добавила:

– Впрочем, в ближайшее время пресса все равно не оставит нас в покое. Скачки на приз Прикнесс на носу, это неизбежно породит новые домыслы и слухи. – Ее взгляд стал

жестким. – Ты должен выиграть их, Гейб. Так будет лучше для тебя и для всех нас.

– Именно это я и собираюсь сделать.

Наоми удовлетворенно кивнула.

– Я намерена позвонить Келси примерно через час – пусть поспит. Вчера ей пришлось очень нелегко, и мне не хотелось бы нагружать ее снова.

– Собственно говоря... – Гейб смущенно кашлянул и удивился, что по спине его побежали мурашки. Чтобы вернуть себе уверенность, он с независимым видом сунул руки в карманы, но наткнулся на ключ от комнаты Келси. – Келси провела эту ночь со мной, – сказал он небрежно. – Сейчас она спит. Я как раз иду к ней в номер, чтобы взять кое-что из одежды. Когда она проснется, я прослежу, чтобы она позавтракала.

В воздухе повисла мертвая тишина. Пять секунд. Десять. Наконец Наоми облегченно вздохнула.

– Я рада, что ты был с нею. Я рада, что это – ты.

– Возможно, ты изменишь свое мнение, когда узнаешь, что и впредь это буду я, и только я.

Наоми приподняла бровь.

– Кажется, я слышу звон обручальных колец! Ты не о браке ли заговорил, Гейб? – И впервые за последние несколько часов она засмеялась. – Ага, побледнел! Как это по-мужски!

Гейб продолжал молча смотреть на нее, и Наоми потрепала его по плечу.

– Тебе лучше уйти, пока я не начала задавать тебе другие, еще более интимные вопросы. Если сумеешь разбудить Келси и привести ее сюда, скажем, к одиннадцати, то мы вместе отправимся на ипподром. Да, захвати для нее темно-голубой костюм и коралловую блузку.

Обняв Гейба за плечо, Наоми проводила его до дверей и, закрыв за ним дверь, привалилась к ней спиной.

– Какими трудными были последние двадцать четыре часа, Мо... И вот как они закончились! Честное слово – я рада. Как ты думаешь, Келси догадывается, что он влюблен в нее?

Ни о чем таком Келси не догадывалась. Единственным, что она испытывала в эти первые минуты после своего пробуждения, была ярость. Гейб не только не разбудил ее вовремя, но и ушел сам, ушел вместе с ключом от ее номера. И вот теперь она вынуждена сидеть в его комнате, потому что у нее не осталось ничего, что можно было бы надеть.

В конце концов она решила принять душ, но холодная вода несколько не остудила ее ярости. Закутавшись в махровый халат, висевший на двери ванной комнаты, и обернув вокруг головы полотенце, она принялась расхаживать по номеру из спальни в гостиную и обратно.

Сгоряча Келси хотела позвонить Наоми, но сразу отказалась от своего намерения, ибо не могла придумать никакого удовлетворительного объяснения тому, как она оказалась в номере Гейба и что случилось с ее одеждой.

Келси как раз была в спальне, когда услышала, что дверь

номера открывается. Вскочив с кровати, Келси ринулась в гостиную, чтобы разом вонзить в Гейба все свои налитанные ядом стрелы.

– Что ты, черт тебя побери, себе позволяешь? Ох!

Несколько мгновений она и коридорный растерянно смотрели друг на друга. Бой первым нарушил молчание.

– Прошу прощения, мисс. Джентльмен сказал, чтобы я не стучал. Он не хотел вас будить, поэтому велел мне подать завтрак, пока вы спите.

– Конечно, конечно... Да... Все в порядке, я уже встала, – она с достоинством сложила руки. – А где этот джентльмен, которого вы упомянули?

– Понятия не имею, мисс. Он дал мне распоряжение и пошел по своим делам. Хотите, чтобы я зашел попозже?

– Ни в коем случае! – Келси с воодушевлением поглядела на блестящий эмалированный кофейник. У нее разорвалось бы сердце, если бы бой снова его забрал. – Нет, все в порядке. Извините, если я вас напугала.

Пока коридорный сервировал завтрак, Келси раздумывала, сейчас ли собрать разбросанные по полу белье и одежду или притвориться, будто она ничего не замечает. Выбрав последнее, она просмотрела чек и, добавив чаевые, которые, она надеялась, заставят Гейба пожалеть о своем неджентльменском поступке, поставила свою подпись.

– Спасибо, мисс. Приятного аппетита.

Келси как раз наливала вторую чашку кофе, когда в номер

вошел Гейб.

– Ты свинья! – заявила Келси и сделала большой глоток кофе, обжигая горло и язык. – Где мои ключи?

– Вот они. – Гейб вынул из кармана ключ, потом повесил на спинку стула ее темно-голубой костюм. – Кажется, я ничего не забыл. Ты удивительно организованный человек, Келси, – косметика, зубная щетка, тубик с пастой. Между прочим, у тебя роскошное белье. Вот... – Он протянул ей шелковое лонжере цвета морской волны. – Надевай. Мне показалось, что это прекрасно сочетается с костюмом.

Келси выхватила у него из руки изящную тряпочку.

– Ты рылся в моих вещах!

– Я просто хотел принести тебе что-нибудь из одежды. Твоя мама посоветовала взять этот костюм.

– Моя... – Келси заскрежетала зубами. О господи, дай мне терпения! – Ты заходил к Наоми?

– О, она вполне оправилась и готова ринуться в бой. В двенадцать на ипподроме состоится пресс-конференция с ее участием. И твоим... Как кофе, ничего? – Гейб налил себе полчашки. – В одиннадцать мы пойдем к Наоми, а оттуда отправимся на Черчил-Даунз. Все вместе. Ей хотелось, чтобы ты надела этот синий костюм, но, поскольку Наоми ничего не сказала про белье, я выбрал то, что мне понравилось.

– Она сказала тебе, что именно мне надеть? – Келси набрала в легкие побольше воздуха и медленно выдохнула через нос. – Значит, она знает, где я? Ты ей рассказал?

Гейб подсел к столу и снял с тарелки серебряную крышку, под которой обнаружилась яичница с беконом.

– Я рассказал ей, что эту ночь ты провела со мной. – Он быстро глянул на нее. – Тебя это волнует?

– Нет, но... – Сдавшись, Келси прижала руку к виску. – Голова кружится.

– Сядь и поешь как следует – тебе сразу станет лучше.

Когда она послушалась, Гейб протянул руку и крепко взял ее за запястье.

– Отныне мы вместе. Понятно?

Келси посмотрела на их сцепленные руки. Гейб имел в виду не пресс-конференцию, не только пресс-конференцию, и они оба это понимали. Снова риск, подумала Келси, но подняла глаза и встретила с ним взглядом:

– Да, понятно.

2

– Ты не говорил, что собираешься прикончить лошадь, – проворчал Канингом, вытирая влажный лоб. В последнее время он слишком много потел – потел перед телекамерами, выдавливая из себя улыбку; потел на праздничных вечеринках, когда незнакомые люди хлопали его по плечам и покупали ему выпивку; потел лежа в собственной постели, когда, глядя в высокий потолок, снова и снова воспроизводил в памяти последний отрезок дистанции Кентуккийского дерби.

Ему очень хотелось победить, но он благоразумно удовлетворился вторым местом, вот только цена этого успеха... Цена превзошла все его ожидания.

– Ты не говорил, – повторил Канингом, чувствуя, как липнет к спине рубашка и как мерзкая липкая влага стекает в углубление у основания позвоночника. – Ты обещал, что Горди дисквалифицируют, чтобы у Шебы появился шанс на призовое место.

– Ты сам не захотел вдаваться в подробности. Ты предоставил это мне, – напомнил ему Рик Слейтер, который стоял у окна со стаканом дорогого бурбона и любовался видом, открывавшимся с верхнего этажа шикарного отеля. Теперь он мог себе это позволить. Это и многое другое.

– И ты получил то, что хотел. Твоя кобыла заняла на дерби второе место, так что теперь никто не посмеет называть тебя

старым пустобрехом, никто не посмеет шептаться за твоей спиной.

– Ты должен был только устроить так, чтобы жеребца дисквалифицировали.

– Я и устроил. Разве это не успех? – Рик ухмыльнулся. – Чедвик осталась с носом, да к тому же и попала под подозрение вместе с моим щенком. Зато ты, Билли-бой, вышел из переделки сухим. – Он вернулся к столу и, плюхнувшись в кресло, взял из вазочки засахаренный миндаль. – Давай говорить откровенно, приятель. Разве ты не хотел, чтобы все, что мы спланировали, обратным концом ударило и по Гейбу? По-моему, ты с самого начала был не прочь поквитаться с ним за то, что пять лет назад он отнял у тебя твою ферму, да еще и опозорил на весь штат.

– Нет, конечно, я не против посадить его в лужу, но...

– Мы оба прекрасно знаем, что у твоей Шебы не было ни одного сраного шанса выиграть эту гонку, – продолжал Рик. – Особенно если участвуют такие классные крэки, как Дубль и Горди. Единственное, на что ты мог рассчитывать, это на третье место, да и то твою дохлятину пришлось бы лупить кнутом от старта до самого финиша. И это в лучшем случае. Объективно ее законное место – четвертое или даже пятое. А ведь это не то, что второе, верно?

– Конечно, ты прав, но... – Канингатом подумал о яме, которую он сам себе выкопал.

– Никаких «но»! – Рик с хрустом разгрыз еще один орех,

и на лице его появилось серьезное выражение, свойственное торговцам подержанными машинами. – Тебе нужен был успех, и я его обеспечил. Откровенно говоря, я не рассчитывал ни на что, кроме обычной показухи, но твоя девочка пробежала на одном сердце. Она нарожает тебе чемпионов, – Рик подмигнул. – Ведь в этом все дело, правда? Теперь ты впишешь Шебу в племенную книгу породы и будешь ежегодно получать по мешку денег, пока она будет задирать хвост перед жеребцом.

Это было правдой, чистейшей правдой, но Канингом продолжал обливаться потом.

– Если что-то откроется, я погиб.

– Почему это должно открыться? Я, например, никому не собираюсь рассказывать о наших с тобой делах. – Рик снова подмигнул. – Разве что ты проболтаешься той цыпочке, которая ждет тебя в постельке. Некоторые мужчины просто не способны держать язык за зубами, стоит девчонке пошире раздвинуть ножки.

– Я ей ничего не сказал и не скажу. – Канингом вытер губы тыльной стороной ладони.

«Да и сама она вряд ли что заподозрит», – подумал он. Марлу куда больше интересовало, сколько его денег она может потратить, чем то, откуда они взялись.

– Вот только другие люди непременно начнут задавать вопросы. Пресса – так та мне просто прохода не дает.

– Пусть это тебя не удивляет, – Рик покровительственно

хлопнул Канингема по плечу. – Твое дело – делать печальную морду, качать головой да снимать сливки со своей популярности. Можешь сказать им, что ты хорошо знаешь Наоми Чедвик и Габриэла Слейтера и что тебе трудно свыкнуться с мыслью о том, что кто-то из них пал так низко. Я буду тебе очень обязан, если ты упомянешь Гейба в данном контексте.

Канингем облизал губы и наклонился вперед.

– Что ты собираешься предпринять?

– Ну-ну, Билли-бой, это мой маленький секрет. Меньше знаешь – крепче спишь, верно? Твое дело – разыгрывать из себя простого парня, которому повезло отхватить на классификации резвую кобылку и подготовить ее к дерби.

– Через две недели состоится Прикнесс.

Рик ухмыльнулся и пошевелил бровями.

– Не жадничай, приятель. Это довольно опасно. К тому же ты сам прекрасно знаешь, что эту гонку Шеба может не потянуть.

– Ну, сердца-то у нее хватит. – Канингем мигом забыл о чувстве вины и обо всех своих страхах, забыл о двух убитых людях и о гнедом жеребце, упавшем у шестнадцатого столба. – Мне только и надо-то, чтобы Шеба финишировала в призах.

– Ничего не выйдет. – Рик погрозил ему пальцем. – Даже если ты заявишь ее, даже если она не сломается на половине дистанции, эта скачка должна пройти чисто. Иначе кое-кто может начать посматривать и в твою сторону, Билли-бой, а

мне этого совсем не хочется. Кто знает, вдруг у кого-то хватит ума копнуть поглубже, и тогда... – Он погремел в стакане – уже пустом – кубиками подтаявшего льда. – Мы больше не сможем быть друзьями и обделявать наши делишки вместе.

– Но на кону будут большие деньги.

– Тебе нужны еще деньги? Поставь на жеребца из Гейбовой конюшни. Я знаю своего сына – он сделает все, чтобы быть у столба первым. Чтобы доказать всем, что он чист и что его Дубль действительно сильнейший. – Улыбка Рика стала кислой, и он налил себе еще бурбона. – Это у него пунктик: выигрывать честно. Я научил его всем трюкам, всем уловкам, какие знал, а он... Должно быть, воображает себя лучше папаши – даже не хочет разок «посолить» гонку, чтобы не запачкаться...

Рик поднес к губам стакан. Пока он пил, глаза его сузились и стали жесткими.

– Ну, мы еще поглядим, кто на этот раз выиграет, – пробормотал он, вытирая губы ладонью. – Поглядим.

Спорить было бесполезно, тем более что Рик начал наливать себе все чаще и все щедрее.

– Как же мне быть?

– Сними Шебу со скачки в Пимлико. Ну, как будто она потянула мышцу во время утренней разминки и ты не хочешь рисковать ею. И постарайся при этом выглядеть расстроенным. Потом пустишь на пастбище, пока не придет время

подыскать ей женишка.

– Да, ты прав. – Канингему было очень обидно, но он сумел справиться со своей жадностью. – Лучше не рисковать. Я оформлю на нее все документы, а следующей весной подберу ей жеребчика порезвее. – Он слегка улыбнулся. – Возможно, через пару лет я даже договорюсь с твоим сыном, чтобы его вороной чемпион покрыл мою Шебу.

– Ну вот, теперь ты говоришь дело. – Рик наклонился вперед и с размаху опустил руку Канингему на колено. – Кстати, Билли, мне кажется, я заработал небольшую премию.

– Премию? – Канингем мгновенно насторожился. – Мы же договорились, Рик. И я свои обязательства выполнил.

– Не спорю. Никаких претензий к тебе у меня нет, но... Видишь ли, Билли, на дерби ты загреб целую кучу денег; по моим прикидкам, чистый барыш составил где-то триста-четыреста кусков. – Рик заметил, что на лбу Канингема снова выступила испарина, и его улыбка стала шире. – Ну а если ты начнешь торговать жеребятами, которых она тебе принесет, то через десяток лет у тебя будет завидный капитал. А теперь скажи, разве ты добился бы этого без меня?

– Я заплатил тебе...

– Да, заплатил, только давай посчитаем получше. Во-первых, мне пришлось платить Липски.

– Это была твоя идея, я не имею к этому никакого отношения.

– Послушай, Билли, я – что-то вроде субподрядчика, –

принялся терпеливо объяснять Рик. — Что бы я ни делал — все ради тебя, и ты не должен об этом забывать. Липски закончил этого старого конюха, а я позаботился о Липски. Мне не хотелось бы вдаваться в подробности и перечислять всех, кого мне пришлось подмазать, но это тоже необходимые издержки, которые ты должен покрыть. Не забывай также, что на данный момент у нас на руках два трупа и дохлая лошадь, и единственный, кто может связать их с тобой, это я...

Он щелкнул пальцами и наклонился еще ближе к Канингему.

— Так что тебе невыгодно со мной ссориться, Билли-бой. А мое расположение будет стоять тебе еще сто тысяч.

— Сто ты... Да это же черт знает что, Рик! Чепуха какая-то. Послушай, разве я мало тебе заплатил? Да ты вообще-то знаешь, сколько это стоит — держать чистокровных лошадей? Даже одну лошадь? Да еще взносы...

— Только не надо со мной торговаться, Биллибой. Честное слово, не надо.

Приветливая улыбка Рика напоминала теперь оскал черепа, а руку он продолжал держать на колене Канингема, сдавливая его все сильнее и сильнее. Именно так он собирался держать кошелек своего приятеля, по мере надобности выдавливая оттуда крупные суммы.

— Сто тысяч все окупят. Вот тебе мое слово, Билл. Даю тебе неделю на то, чтобы привести в порядок все свои записи и приготовить деньги. Принесешь их сюда за день до Прик-

несс. И наличными. — Он убрал руку с колена Канингема и, весьма довольный собой, откинулся на спинку кресла. — А то я хочу поставить несколько тысчонок на Гейбова жеребца. Полезная это штука — семейные связи...

Он засмеялся и снова наполнил свой стакан.

Семейные связи Келси не принесли ей ничего, кроме жуткой головной боли. Она, разумеется, предвидела, что путешествие на берега Потомака будет не из легких, однако все оказалось гораздо хуже. Отец был в ярости; таким Келси его еще не видела, и ее ничуть не утешало, что его гнев был направлен не против нее. Как хладнокровно заметила Кендис, именно Келси была первопричиной всех проблем.

Милисент сделала все возможное, чтобы осуществить свои угрозы. К счастью, ей не удалось изменить условия завещания деда Келси, но зато она переписала свою последнюю волю. Выражаясь в терминах викторианских романов, у нее больше не было внучки.

Остановив свой автомобиль на подъездной дорожке к «Трем ивам», Келси прижалась пылающим лбом к прохладному рулю. Сцена вышла совершенно безобразной: холодное бешенство Милисент, объявившей о своем решении, шок и ярость отца, кажущиеся хладнокровие и непредвзятость Кендис, которая воспользовалась случаем, чтобы вонзить в Келси несколько стрел, отравленных ядом вины.

Застонав от сильной боли в висках, Келси выключила зажигание. Нет, она и представить себе не могла, что разговор

с близкими ей людьми дастся с такой мукой и болью. Правда, с Милисент они довольно давно были на ножах, так что, казалось, она должна была испытывать одно лишь облегчение, когда нарыв наконец прорвался, но облегчение не приходило. Келси была морально изранена, уязвлена, и даже самые мелкие царапины продолжали саднить.

Мечтая о паре таблеток аспирина, Келси медленно выбралась из машины и потерла руками лицо.

Из-за угла доносилась громкая музыка, и Келси сразу узнала энергический драйв ранних «Роллингов». Мик Джеггер со товарищи как умели выражали свои симпатии к дьяволу и прочим потусторонним силам. Она пошла на звук и остановилась у террасы. Магнитофон на легкомысленном кофейном столике со стеклянной столешницей изрыгал рок-н-ролл, а каменный пол патио был застелен какой-то неопределенного цвета тряпкой, защищавшей его от капель краски. На тряпке был установлен мольберт, а перед ним – в широкой мужской рубашке, свисающей до колен, с волосами, стянутыми простой резинкой в упрямый коротенький хвост, – стояла Наоми с длинной и тонкой кистью в руках. Кончик ее кисти пламенел алым.

Келси подумала, что Наоми действует кистью, словно гибкой рапирой и что она не рисует, а скорее ведет бой с натянутым на подрамник холстом, который и так взрывался небывалыми резкими формами и брызгал яркими красками. Повернутое в профиль лицо Наоми казалось высеченным из

камня, а глаза как будто метал и дым и огонь.

Потом Келси пришло в голову, что эта битва, возможно, имеет интимное свойство, поэтому она осторожно попятилась назад, но скрыться не успела. Наоми повернулась к ней, и взгляд ее грозных глаз пригвоздил Келси к земле.

– Извини, я... – начала было Келси, но ее слова утонули в громе рока. Наоми шагнула к магнитофону и убавила громкость, так что из динамиков доносился теперь еле слышный ритмичный стук.

– Извини, – повторила Келси, – я не хотела тебе мешать.

– Ничего страшного. – Страсть и огонь понемногу гасли в глазах Наоми, словно для того, чтобы успокоиться, ей достаточно было не смотреть на холст. – Это один из моих любимых ритуалов. Он помогает мне избавиться от...

Она не договорила и, положив кисть, вытерла руки тряпкой.

– Давненько я не рисовала.

– Как здорово! – Келси подошла поближе, разглядывая резкие мазки яростного цвета. Свежая краска все еще блестела, словно сочась кровью. – Какая первобытная слепая сила! Симфония трех стихий...

– Да, пожалуй... Ты расстроена?

– Черт побери! – Келси сунула руки в карманы. – Похоже, у меня все на лбу написано!

– Просто у тебя очень выразительное лицо, – утешила ее Наоми, вспоминая. Когда-то и ее лицо было таким же и гово-

рило яснее всяких слов. Когда-то... – Как я понимаю, праздничный обед в кругу семьи прошел не лучшим образом?

– Все с самого начала пошло псу под хвост. Из-за меня отец здорово разругался с бабушкой. И я думаю, что теперь между ним и Кендис тоже пробежала трещина. И все из-за меня!

– Из-за того, что ты живешь здесь, – поправила Наоми.

– Из-за того, что я хочу оставаться собой. Такой, какая я есть! – Келси схватила со столика забытый Наоми стакан чая со льдом и сделала большой глоток. – Милисент вычеркнула меня не только из своего завещания, но и из памяти, и из сердца тоже. Для нее меня больше не существует.

– О, Келси! – Наоми взяла ее за плечо. – Я уверена, что она это не серьезно. Просто она погорячилась.

Стекло звякнуло о стекло, когда Келси поставила стакан обратно на столик.

– А ты? Серьезно?..

Сочувствие и беспокойство, которые испытывала Наоми, немедленно превратились в холодное бешенство.

– Милисент слов на ветер не бросает. Подобное решение как раз в ее духе. Прости, Келси, это я ввергла тебя в неприятности.

– Это мои неприятности! – вспыхнула Келси. – Никто в них не виноват. Всем вам пора понять, что я уже давно способна думать сама за себя, чувствовать и поступать так, как считаю нужным. Если бы я не захотела жить на твоей ферме,

никто бы меня не заставил. Да и приехала я вовсе не потому, что мне жаль тебя, или потому, что мне хочется им досадить. Я здесь ради себя самой.

Наоми вздохнула.

– Ты права, абсолютно права.

– Я уеду, когда захочу или когда мне это будет нужно. Они пытаются стыдить меня, подкупить, бьют на жалость – лишь бы заставить меня бросить то, что для меня важно. Но что для меня важно? Моя семья и «Три ивы». И ты.

– Спасибо... – Наоми сама потянулась за стаканом и поднесла его к губам, чувствуя, как предательски дрожит ее рука.

Келси с трудом удержалась, чтобы не наподдать ногой горшок с геранью.

– Не за что меня благодарить. Ты – моя мать, и ты мне небезразлична. Я восхищена тем, как ты сумела распорядиться своей жизнью. Может быть, я не совсем хорошо представляю те годы, когда тебя... когда ты была далеко, но ты теперешняя мне очень нравишься. Кроме того, я не собираюсь уезжать отсюда только потому, что так хочется Милисент.

Наоми почувствовала, что ноги не держат ее, и оперлась руками о столик, чтобы не упасть.

– Ты не представляешь... Просто не можешь себе представить, каково мне слышать это от взрослой дочери, Келси. Что теперешняя я тебе нравлюсь. Я очень люблю тебя, Келси.

Весь гнев Келси куда-то улетучился.

– Я знаю.

– Я не знала, какой ты будешь, когда мы снова встретимся. Все эти годы я любила маленькую девочку, которую потеряла. И вот ты приехала в «Три ивы», чтобы дать мне возможность начать все сначала. Я восхищаюсь тобой, Келси, горжусь тобой, как не гордится ни одна мать. И даже если завтра ты уедешь, чтобы никогда не вернуться, знай, что ты все равно дала мне больше, чем я когда-либо надеялась получить.

– Никуда я не уеду. – Повинуясь велению сердца, Келси шагнула к матери и широко развела руки, чтобы обнять ее. – Никуда я не уеду. Мне хочется быть только здесь.

Крепко зажмурившись, Наоми наслаждалась прикосновением, запахом дочери.

– Я попробую помочь тебе, – прошептала она. – Я найду способ, чтобы заставить ее смягчиться.

– Не надо. Это не должно тебя беспокоить. – Немного успокоившись, Келси разжала объятия. – Иначе ты сойдешь с ума, как и я.

Настроение ее снова переменилось, и она стала расхаживать из стороны в сторону.

– Как больно и ужасно обидно! – воскликнула она. – Мне даже не верится... Она думала, что мне нужны ее деньги, и пыталась использовать их, чтобы манипулировать мной. Их и мои собственные чувства. Она пыталась диктовать мне,

что я должна делать и как поступать!

– Диктовать – это вполне в духе Милисент. Так было и раньше.

– Она не смогла изменить завещание деда и остановить выплаты из моего фонда попечения. Бьюсь об заклад, это привело ее в бешенство: она – она! – и вдруг оказалась бес-сильна. Бедный папа... Он был очень расстроен и даже на-кричал на бабушку, а ведь раньше он никогда не повышал на нее голос.

– Еще как повышал. – На лице Наоми отразилось что-то вроде мрачного удовлетворения. – Впрочем, это было давно. Я рада, что Филипп принял твою сторону.

– Как бы мне хотелось сказать то же самое, но я нисколько не радовалась, нет. Это было ужасно – видеть, как они ссорятся, как нарастает отчуждение между папой и Кендис, и знать, что права я или нет, но именно я в этом виновата. Бабушка такая... негибкая, она никак не может перело-мить себя и хоть на минутку поставить себя на место другого человека.

А разве не то же самое говорили о ней самой? – вдруг вспомнила Келси и дернулась как от удара.

– У Милисент есть только два выхода: уступить или уме-реть в одиночестве, – вставила Наоми.

– Мне хочется верить, что они помирятся, – проговорила Келси. – Очень хочется. Что касается нас с бабушкой, то вряд ли мы когда-нибудь придем к компромиссному решению. Во

всяком случае, не после сегодняшнего скандала. Она... Она попыталась использовать против меня даже смерть Горди и открытым текстом заявила, что ты сама наняла кого-то из твоих дружков-головорезов – это ее подлинные слова, – чтобы накачать наркотиками несчастное животное. В конце концов, если ты застрелила человека, то... – Келси смешалась и не договорила.

– ...То что мне какая-то лошадь, – закончила за нее Наоми. – В самом деле – что?

– Извини. – Чувствуя непреодолимое отвращение к самой себе, Келси ожесточенно потеряла все еще гудящие виски. – Я слишком взвинчена.

– Это не имеет значения. Я не сомневаюсь, что многие – слишком многие – думают так же. Почему я, собственно, взялась сегодня за кисть? – спросила она, жестом указывая на холст. – Да потому, что кое-кто начал распространять слухи, будто я убила Горди, чтобы получить страховку.

Келси в бессильной ярости сжала кулаки, потом снова разжала.

– Чудовищно! Да в эту чушь не поверит ни один человек, который знает тебя достаточно хорошо.

– К несчастью, в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Наш мир не такой уж совершенный, и такие вещи случались. Как говорится, данная версия имеет право на существование, хотя... – Она нахмурила лоб и взяла в руку кисть, словно что-то прикидывая. – Хотя простой арифметический рас-

чет мог бы положить конец этим нелепым домыслам. Разумеется, Горди был застрахован на значительную сумму, однако живой он стоил во много раз больше – и как призовой скакун, и как производитель. Просто этот случай вызвал к жизни кое-какие воспоминания. И во мне, и, видимо, в других.

Несколько успокоившись, Наоми снова принялась рисовать.

– В тюрьме я только этим и спасалась, – пояснила она. – Это был способ выжить, дать выход эмоциям, и другого я не знала. Там... там не хочется копаться в своем собственном внутреннем мире, который полон болью, гневом, страхом. Особенно страхом.

– Расскажи мне о тюрьме, – попросила Келси. – Если можешь, конечно... На что это было похоже?

Наоми продолжала молча рисовать. Уже не раз она задумывалась о том, когда же Келси наконец спросит... Именно «когда», а не «спросит ли» – стремление знать все ответы было такой же неотъемлемой составляющей характера Келси, как и ее нетерпимость ко лжи.

Ну что же, придется ей нарисовать еще одну картину, только сделать это надо будет словами, а не кистью и красками.

– У тебя отнимают все... – Наоми сказала это тихо, словно напоминая самой себе, что все это в прошлом. – И не только одежду, хотя это – одно из самых первых унижений, через

которые приходится пройти. У тебя отнимают платья, свободу, права, надежду. У тебя остается только то, что тебе дают взамен, а дают они немного. Ты даже не представляешь, как сильно давит этот надоедливый, раз и навсегда заведенный порядок. Тебе говорят, когда вставать утром, когда принимать пищу – не завтракать или обедать, а именно принимать пищу! – когда ложиться спать. Никого не интересует ни что ты чувствуешь, ни чего ты хочешь.

Келси шагнула вперед и остановилась рядом с матерью. В кустах и кронах деревьев радостно галдели птицы, празднующие весну, воздух был напоен запахами цветов, молодой листвы и масляных красок.

– Ты ешь то, что тебе дают, – продолжала Наоми, – и через некоторое время ты привыкаешь к этому однообразному меню. Ты забываешь, каково это – отправиться в ресторан или просто спуститься ночью в кухню, чтобы пошарить в холодильнике... – Сама того не заметив, она негромко вздохнула. – Для тебя же самой будет проще, если ты забудешь обо всем, что было в той, другой жизни. Если принести с собой за решетку слишком много воспоминаний о свободе, то они сведут тебя с ума, потому что ты постоянно чувствуешь, что все это больше тебе не принадлежит. Из окон тюрьмы видны холмы, цветы, деревья, смена времен года, но они где-то снаружи, за стеной, и не имеют к тебе никакого отношения. Ты перестаешь быть тем, кем ты была раньше. И даже если тебе одиноко, не вздумай сблизиться с кем-то, потому что

люди постоянно уходят и на их место приходят новые.

Наоми переменяла кисть и стала рисовать быстрыми, энергичными мазками, давая выход бурлящим внутри чувствам.

– Некоторые женщины зачеркивали числа в календаре, но не я. Мне не хотелось думать о днях, которые складываются в недели, месяцы, в годы. Да и как я могла о них думать? У других были фотографии детей, они любили рассказывать о своих семьях, о том, что они будут делать, когда выйдут... Семейю я потеряла, а думать о будущем – боялась. У меня не было другого выхода, кроме как сосредоточиться на скучной повседневности.

– Ты была одинока, – пробормотала Келси.

– Это и есть самое сильное наказание – наказание одиночеством. Да еще, пожалуй, когда ты постоянно на виду и не имеешь ни одной минутки для себя лично. Ты думаешь, в тюрьме главное – решетки, которые держат тебя внутри и не пускают на свободу? Ничего подобного.

Наоми перевела дух и заставила себя продолжать.

– В личное время можно читать или смотреть телевизор. Нам приносили толстые модные журналы, однако после первых двух лет я перестала в них заглядывать. Слишком тяжело было видеть, как все меняется, пусть даже это такие пустяки, как длина юбки или покрой плеча.

– Тебя никто не навещал?

– Навещали. Отец, Мо... Я не знаю такой силы, которая

помешала бы им прийти. И, бог свидетель, я тоже хотела видеть их, хотя потом я и страдала с особенной силой. Только представь себе, Келси, — я видела, как стареет мой отец. Наверное, это было тяжелее всего — видеть, как годы оставляют следы на его лице. Его седина и морщины — вот каким был мой календарь, Келси.

Ну а самым тяжелым был последний год. Адвокаты долго пытались добиться для меня досрочного освобождения, и вот стало известно, что мой приговор может быть пересмотрен. Знать, что свобода так близко и в то же время бояться покинуть мир, в котором просуществовал столько времени, было тяжелее всего. Ведь на свободе некому будет указывать тебе, что и когда делать. Дни еле-еле ползли, и времени для размышлений, для надежды было слишком много, так что последние месяцы перед освобождением я едва выдержала.

А потом, в один прекрасный день, отец привез мне новый костюм. Серый в тонкую полоску, довольно элегантный и строгий. Господи, как у меня дрожали руки! Я не могла даже застегнуть блузку. А когда мы вышли за ворота, солнце буквально ослепило меня, и дело было вовсе не в том, что в тюрьме нас держали в сырых заплесневелых подвалах. Это, кстати, была очень приличная тюрьма, и работали там вполне приличные люди... во всяком случае, в подавляющем большинстве. Дело было в том, что в этот день само солнце показалось мне другим — горячее, ярче, ослепительнее. В первые мгновения я вообще ничего не видела. А по-

том увидела слишком многое.

Она снова переменяла кисти и, прищурившись, поглядела на свою работу.

– Ты и в самом деле хочешь услышать все остальное? – спросила она, не оборачиваясь.

– Да, – пробормотала Келси. – Продолжай.

– Я увидела, каким измученным и старым стал мой отец. Я увидела новый, ослепительно-белый «Кадиллак», в котором отец приехал за мной, чтобы везти домой. Я знаю, что по дороге мы о чем-то говорили, но не помню о чем. Единственное, что я тогда чувствовала, это что время вдруг понеслось вскачь и что вокруг слишком много людей и машин. И еще я боялась, что что-то вдруг изменится и меня заберут обратно. Или – наоборот – не заберут.

Потом мы остановились у ресторана, чтобы перекусить. Полотняные скатерти, вино, цветы на столе... Все это так на меня подействовало, что отцу пришлось самому сделать заказ, словно я была ребенком. Да я, наверное, действительно не смогла бы – я забыла, как это делается. Я забыла названия блюд, которые мне когда-то нравились. От этого я расплакалась, и отец заплакал тоже. Так мы сидели вдвоем и роняли слезы на белую скатерть, потому что я забыла, каково это – сидеть за столом и выбирать блюда из меню.

Свобода утомила меня, и остаток пути я проспала. Когда я проснулась, отец уже въезжал в ворота, и я увидела, что деревья подросли, что саженцы кизила, которые я сажала са-

ма, превратились во взрослые деревья, которые год за годом цвели и плодоносили... без меня. Новые обои в гостиной, незнакомая ваза, которой раньше здесь не было, — все эти изменения повергли меня в ужас.

В конюшню я вообще не ходила несколько дней, пока наконец Моисей лестью и уговорами не заставил меня пойти. Там был жеребенок, при рождении которого я присутствовала. Теперь это был могучий жеребец-производитель шестнадцати ладоней ростом. Новые люди, новое оборудование — все было новым. Я так испугалась, что еще неделю после этого просидела дома, а спала с зажженным светом и распахнутой дверью. В первое время я вообще терпеть не могла закрытых дверей, но со временем это прошло. Почти прошло. Потом мне пришлось заново учиться водить машину. В первый же свой самостоятельный выезд я отправилась к твоей школе и увидела там тебя. Маленькая девочка, которую я помнила, выросла и уже училась кокетничать с мальчиками. Мне пришлось примириться с тем, что ты вполне обходишься без меня. И я попробовала начать все сначала.

Наоми отложила кисть и отступила на шаг назад.

— Кончено...

Келси вовсе не была в этом уверена. Картина, возможно, в самом деле была закончена, но чувства, вызвавшие ее к жизни, еще не отбурлили, да и рассказ Наоми был далеко не завершен. И дело было вовсе не в том, чтобы смыть пятно

с имени Наоми – за смерть Алека Бредли она заплатила по самому большому счету. Таким образом, Келси знала конец истории, но ей хотелось разобраться, с чего все началось.

И все же она была потрясена, обнаружив в телефонной книге имя Чарльза Руни. Частный детектив, чьи свидетельские показания сыграли решающую роль во время процесса над Наоми, руководил своей маленькой фирмой в Александрии, штат Виргиния. Из пояснений, набранных мелким шрифтом, Келси узнала, что частное детективное агентство «Руни инвестигейшн сервис» специализируется на наследственных, семейных и уголовных делах. Государственная лицензия, высокий профессионализм и конфиденциальность гарантируются. Первая консультация – бесплатно.

Ну что же, подумала Келси, пожалуй, она попробует получить консультацию.

– Мисс Кел!.. – Герти почти вбежала в комнату, и Келси быстро захлопнула справочник.

– Как ты меня напугала!

– Простите, но этот полицейский опять здесь. – Лицо Герти выражало искреннее негодование. – Все ходит и ходит... Говорит, у него появилось еще несколько вопросов.

– Я с ним поговорю. Наоми на конюшне, не будем ее волновать, ладно?

– Конечно. Хотите, я сварю кофе?

Келси ненадолго задумалась.

– Нет, Герти, не надо. Я постараюсь поскорее выпроводить

его.

– Чем скорей – тем лучше, – проворчала Герти.

Когда Келси вошла в гостиную, лейтенант Росси встал, и в его глазах промелькнуло искреннее восхищение. Он не мог не признать, что джинсы очень идут Келси, хотя и на вырезке из газеты, опубликовавшей отчет о пресс-конференции и фотографии, она выглядела превосходно. И она, и ее мать...

– Спасибо, что вы нашли время, чтобы принять меня.

– Откровенно говоря, лейтенант, времени у меня не так уж много, но если у вас есть какие-то новости, я готова выслушать вас.

– Увы... – Росси виновато развел руками. У него действительно не было ничего, кроме разочарований. Никаких подозрительных отпечатков в комнате Липски, никаких свидетелей, никаких следов, никаких путеводных нитей. – Впрочем, я хотел бы начать не с этого. Позвольте мне принести свои искренние соболезнования в связи с гибелью вашего жеребца на дерби. Я не большой любитель лошадей, но даже копы иногда смотрят скачки. Это было ужасное зрелище.

– Да, – согласилась Келси. – Моя мама была просто потрясена.

– На пресс-конференции она выглядела достаточно спокойной.

Келси скованно кивнула и, жестом пригласив Росси садиться, села сама.

– А вы хотели, чтобы она разнюнилась на глазах у всей

страны?

– Конечно, нет. Собственно говоря, меня интересует другое. Мистер Слейтер ведь тоже был на пресс-конференции, так?

– Мы соседи, лейтенант. И друзья. Гейб, кстати, тоже является владельцем, и то, что его жеребец выиграл, да еще при таких трагических обстоятельствах, могло сильно все осложнить. Мы не хотели ненужных слухов и пригласили его, чтобы продемонстрировать, что в наших отношениях ничто не изменилось. А он согласился, чтобы выразить нам свою поддержку.

– Простите, мисс Байден, но, судя по некоторым газетным публикациям, вы с мистером Слейтером не просто друзья.

Гены Байденов пришли ей на помощь и помогли встретить этот нескромный вопрос с ледяным спокойствием и даже с вызовом.

– Это официальное утверждение, лейтенант?

– Просто умозаключение. Причем вполне естественное. Вы оба – красивые молодые люди, к тому же объединенные общими интересами.

Келси никак не отреагировала на его приманку. Впрочем, Росси не очень на это надеялся. Сделав паузу, он добавил:

– Я полагал, что вы поможете мне выяснить кое-какие подробности того, что случилось на Черчил-Даунз.

– Я думала, что вас не интересуют лошади, лейтенант.

– Меня интересуют убийства, пусть даже была убита ло-

шадь. – Он помолчал и добавил: – Особенно если это связано с расследованием обстоятельств насильственной смерти, которое я намерен довести до конца.

– Вы считаете, что гибель Горди как-то связана с убийством Мика? Но как? Через Липски? Но Липски же умер раньше.

– Да, это так. А насколько мне известно, постороннему человеку не так-то легко пройти в паддок, особенно накануне дерби.

– Совершенно справедливо. Служба безопасности ипподрома внимательно за этим следит. Кроме того, в особых случаях мы нанимаем специальную охрану. – Келси наморщила лоб. – Липски охотился за жеребцом Гейба, не за нашим. А у меня сложилось такое впечатление, что смерть Липски была признана самоубийством. Так вы считаете, что его тоже убили?

– Это еще не подтверждено окончательно, – отозвался Росси. Ничего сверх этого он не имел права говорить, да и не собирался. – Я просто пытаюсь связать концы с концами. Не могли бы вы назвать мне людей, которые официально имеют доступ к вашему жеребцу?

– Конечно, могла бы. Это моя мать, Моисей, Боггс, Рено... Потом еще представитель судейской комиссии, который осматривает лошадей перед стартом, чтобы, так сказать, удостоверить их личности; коновод, который выводит жеребца на старт... Кстати, его зовут Карл Трайпер. Ну, другие

члены нашей команды. – Она быстро перечислила имена.

– А охранник?

– Да, возможно.

– Ну а неофициально? Кто мог проникнуть в конюшню?

Келси отрицательно покачала головой, но ее мозг работал с лихорадочной быстротой.

– В день проведения дерби проскользнуть мимо ипподромной охраны почти невозможно. Вероятно, когда смотришь скачки по телевизору, паддок смахивает на проходной двор, но на самом деле лошадей стерегут очень внимательно.

– А наркотик? Когда, по-вашему, его ввели лошади?

– В том-то и дело... – Келси вздохнула, стараясь успокоиться. Вспоминать о том дне ей все еще было тяжело. – В крови Горди нашли следы дигиталиса и эпинефрина. Это и убило его – сердце не выдержало. Перед самой гонкой Горди был слегка на взводе, но в этом ничего необычного нет. Мо специально заставлял его нервничать.

– А зачем?

– Некоторые лошади бегут резвее, если перед гонкой их как следует завести. Других, особо нервных, нужно, напротив, успокаивать.

– И как вы этого добиваетесь?

– Ну, особых усилий-то не требуется. О том, что им предстоит, лошади узнают сами. Перед гонкой им дают совсем мало корма и делают легкую проминку. Кроме того, чистокровные лошади легковозбудимы, они очень остро чувству-

ют общую атмосферу, так что на утренней тренировке их даже приходится сдерживать – им не терпится помчаться во весь опор.

– А лекарственные препараты?

Лицо Келси окаменело.

– Никаких наркотиков, лейтенант. Мы не пичкаем наших лошадей ничем, что не было бы официально разрешено или могло нанести вред их здоровью. Та гадость, которую кто-то ввел Горди, заставила его сердце сокращаться чаще, чем допустимо. Плюс его собственный адреналин. Гонка, напряжение скачки, полуторамильная дистанция – вот что убило его.

То же самое Росси прочитал в протоколе о вскрытии лошади.

– А почему жокей не почувствовал, что что-то не так?

Келси стиснула зубы. Она никому не позволит обвинять Рено! Особенно после того, что ему пришлось пережить. Она сама видела, как он страдал тогда и как он страдает сейчас.

– Горди был рожден для того, чтобы бегать, и с первых шагов его учили тому же – бегать. Он не спотыкался, не упрямялся, не пытался сопротивляться жокею. Да вам достаточно просто проглядеть пленку, чтобы понять, что Горди отдавал все силы, чтобы выиграть эту гонку. И погиб. Рено еще повезло, что он не убился при падении и не попал под копыта.

Росси заглянул в свою записную книжку. Видеоотчет о

скачках он видел несколько раз, прокручивая пленку с замедленной скоростью и даже останавливая ее, чтобы получше рассмотреть отдельные кадры. В конце концов он кивнул.

– Не могу с этим не согласиться. Если бы он упал на дорожку, а не на внутреннюю площадку скакового круга, его наверняка бы затоптали. А судя по тому, как он приземлился, дело едва не кончилось сломанной шеей.

– Слава богу, Рено только сломал ключицу и выбил плечо. Теперь он не сможет участвовать в скачках как минимум месяц.

– Ну хорошо... – Росси закрыл блокнот. – Мне придется переговорить с теми людьми, которых вы мне назвали, чтобы, так сказать, очертить перспективу.

– Я благодарна вам за вашу добросовестность, лейтенант, но я просила бы вас не допрашивать мою мать без крайней необходимости.

– Это была ее лошадь, мисс Байден.

– Я уверена, что вы прекрасно меня поняли. – Келси поднялась с кресла, готовясь защищать Наоми до последнего. – Вам наверняка известно, что стоит за ее нежеланием встретиться с полицией.

– Несколько вопросов...

– Это не имеет значения, лейтенант. Полицейское расследование есть полицейское расследование. И еще... Я не знаю, способны ли вы это понять или нет, но для Наоми это настоящее большое горе. Чисто человеческое горе, лей-

тенант, так что свои вопросы вы можете задать мне или скаковой комиссии.

— Ну, если вы так ставите вопрос, мисс Байден... Я не буду ничего обещать, но пока я не вижу острой необходимости тревожить вашу матушку.

— Благодарю вас. — Келси шагнула вперед, к двери, с явным намерением поскорее выпроводить полицейского. — Кстати, лейтенант, это не вы расследовали дело моей матери?

— Нет, не я. Я тогда учился в полицейской академии и был зеленым, как салат.

— В таком случае мне хотелось бы знать, кто вел то дело.

— Должно быть, капитан Типтон. Джим Типтон. Сейчас он уже на пенсии. Я служил под его началом, когда он был лейтенантом, и потом, когда он стал капитаном. Типтон — хороший коп.

— Я в этом не сомневаюсь. Спасибо вам, лейтенант.

— И вам, мисс Байден.

Шагая к своей машине, Росси обдумывал новую идею, которая появилась в его мозгу под влиянием последних вопросов Келси Байден. Лейтенант догадался, что она что-то задумала, и подумал, что и ему, пожалуй, стоит обратиться к прошлому, чтобы предпринять кое-какие раскопки.

– Интересно, почему мне кажется, что я могу заполучить тебя в свою постель только в отеле? – спросил Гейб в странство.

– Гм-мм... – отозвалась Келси, теребя букет ярко-оранжевых тигровых лилий с черным зевом, который Гейб похитил для нее на последнем приеме, посвященном завершению соревнований на приз Прикнесс. – Ну, во-первых, в эти дни было слишком много беготни. А потом ты был слишком занят, раздавая интервью.

– Завтра их будет еще больше.

– Уверенность в себе – вот что мне в тебе нравится, – парировала Келси, сворачивая к лифтам. – Он, значит, будет раздавать интервью, а Дубль тем временем будет заперт в стойле номер сорок. В том самом, где когда-то стояли знаменитые Секретариат, Утвержденный и Поворот на Сиэтл. Ты не суеверен, Слейтер?

– Суеверен? Да, черт возьми. – Гейб первым шагнул в кабину лифта и втащил ее за собой. Прежде чем двери успели сомкнуться с мягким шелестом, его горячие губы уже впились в ее.

– Кнопку... – сумела прошептать Келси и, сминая цветы, просунула руки к нему под рубашку. – Ты забыл нажать кнопку.

Гейб вполголоса выругался и, на мгновение оторвавшись от нее, нажал кнопку нужного этажа.

– Наконец-то мы одни, – проговорил он. – Две недели – это слишком долго. Ровно на четырнадцать дней больше, чем я в состоянии вытерпеть.

– Я знаю. – Она негромко рассмеялась, почувствовав его губы на своей шее. – Просто я была нужна Наоми. Вчера нам просто продохнуть некогда было – мы готовили жеребца к скачкам и пытались отвечать на вопросы, касающиеся расследования. Я мечтала быть с тобой, Гейб, но...

Двери лифта открылись, и она оттолкнула его. Бретелька ее роскошного платья для коктейлей соскользнула – или была намеренно спущена – с плеча, декольте опустилось гораздо ниже положенного, и Келси поспешила восстановить порядок, удивляясь тому, как быстро она утратила контроль над собой. К счастью, в вестибюле никого не было.

– Не можешь понять, довольна ты или смущена?

Келси привычным движением поправила волосы.

– Прекрати читать мои мысли, – приказала она и прижала ногой двери лифта, прежде чем они успели закрыться вновь.

– У тебя или у меня?

Как это все просто и естественно! – поразилась Келси. И действительно, что могло быть проще? Они оба ждали этого момента, ждали возможности продолжить то, что они начали в отеле в Кентукки.

– У меня, – решила Келси. – На этот раз твоя очередь

проснуться утром в чужой комнате и обнаружить, что у тебя нет ни одной вещи, чтобы надеть. — Она хихикнула.

— Можно считать это обещанием сорвать с меня штаны и все остальное?

Келси вставила магнитный ключ в прорезь замка, подыскивая достойный ответ, но не успел красный огонек смениться зеленым, как в комнате зазвонил телефон.

— Подумай пока, — бросила она и, толкнув дверь, ринулась к аппарату.

— Алло? — Она бросила помятый букет на журнальный столик и, вынув одну серьгу, поднесла трубку к этому уху. Прижав ее щекой, она взялась за второй сапфир, но пальцы ее неожиданно замерли. — Уэйд? Как ты узнал, что я здесь? Ах, Кендис...

Она осторожно вынула вторую серьгу и положила ее на стол рядом с первой.

— Я не знала, что ты поддерживаешь с ней контакт... Конечно. Как это мило... Да, черт возьми, я пытаюсь иронизировать.

Сверкнув глазами, Келси бросила быстрый взгляд на Гейба, но снова опустила ресницы. Не говоря ни слова, он подошел к мини-бару, откупорил бутылку белого вина и налил ей полный бокал.

— Послушай, Уэйд... — она сверилась со своими наручными часами. — Воспитанные люди не звонят в половине двенадцатого ночи, чтобы просто поболтать. Как бы там ни бы-

ло, у меня нет ни малейшего желания обсуждать мою мать с тобой. Так что если тебе больше нечего сказать, я...

С несчастным видом она приняла из рук Гейба вино. Разумеется, Уэйд было что сказать – бывший муж Келси не умел быть немногословным.

– Я что, должна тебя благословить?.. Нет, я не хочу быть терпеливой и снисходительной, просто я стараюсь держаться в рамках приличий. – Келси всерьез была намерена сдерживаться, но яд все равно капал с ее языка, выделяясь совершенно непроизвольно при звуках его убедительного и благоразумного голоса. – А твоя нареченная имеет представление о том, что, отправляясь в командировки, ты имеешь обыкновение совмещать приятное с полезным?.. Да, я злопамятная, а ты – убудодок, самодовольный, скользкий, эгоистичный козел! Как ты смеешь звонить мне накануне собственной свадьбы, чтобы успокоить свою совесть?.. Вот как? Нет, я тебя не простила и не собираюсь делить с тобой вину... Да, ты прав, Уэйд. Я все такая же негибкая, просто я перестала мечтать о том, чтобы ты умер долгой мучительной смертью. Теперь я хочу только одного – чтобы на улице тебя переехал грузовик. Если тебе нужно отпущение грехов – обратись к священнику!

Келси с такой силой опустила трубку на рычаги, что аппарат жалобно тренькнул.

– Так его! – пробормотал в наступившей тишине Гейб и чокнулся с Келси своей жестянкой с кокой. – И часто он тебе

звонит?

– Каждые два месяца. – Келси раздраженно пнула ногой ни в чем не повинный журнальный столик, потом сорвала с ног туфельки и швырнула их через всю комнату в коридор. – Поболтать ему захотелось! Так я и поверила. «Если мы с тобой больше не муж и жена, почему мы не можем быть друзьями?» – передразнила она. – Я тебе скажу почему! Никто не смеет меня обманывать.

– Я это учту. – Гейб внимательно рассматривал Келси, раздумывая, дать ли ей время остыть или сразу отнести в спальню, чтобы там она избавилась от переполнявшей ее энергии, к его и собственному благу.

– Завтра этот болван женится. Он, видишь ли, вбил себе в голову, что я должна услышать об этом от него, поэтому он позвонил Кендис. Они до сих пор принадлежат к одному клубу, так что... – Она глотнула вина и поняла, что не чувствует вкуса. – Это Кендис рассказала ему, как меня можно найти... Как будто у него до сих пор есть право знать обо мне все. Или как будто мне не все равно, женится он или нет...

– А тебе все равно? – Гейб протянул руку и поймал оставленный Келси стакан, который едва не кувыркнулся на пол.

– Нет. – Келси захотелось швырнуть еще что-нибудь, и она остановила свой выбор на справочнике для туристов. Жалобно шелестя страницами, толстая книга отправилась вслед за туфлями и с тупым стуком приземлилась где-то в прихожей. – Какого черта он звонит мне каждый раз, когда ему

грустно? Разве что ему хочется, чтобы я почувствовала себя виноватой.

– В чем?

– В том, что он теперь с другой женщиной. И мне очень трудно ему не поддаться – сама не знаю почему. Я сразу возвращаюсь в прошлое и вспоминаю, какой подходящей партией он мне казался. Должно быть, мы действительно казались счастливой молодой парой. После пышной свадьбы мы сразу отправились в романтическое двухнедельное путешествие на Карибы, а потом поселились в очаровательном маленьком коттеджике в престижном районе Джорджтауна. Мы оба были из хороших семей, и друзья у нас подобрались такие же. Закрытые клубы, помпезные вечеринки, изысканное общество... Только теперь, оглядываясь назад, я начинаю понимать, что никогда не любила его.

Ее взгляд полыхнул огнем, но пламя праведного гнева сразу съежилось и погасло. Лишь жаркие искорки дрожали где-то в глубине глаз.

– Будь осторожна, Келси. Я не мошенник, но это не значит, что я всегда играю честно, – предупредил ее Гейб. – И мне плевать, что ты сейчас расстроена. Если ты скажешь лишнее, я это запомню и использую против тебя же.

– Я сама не знаю, что говорю. – Келси вздрогнула и бессильно опустила руки. – Просто когда я сейчас говорила с ним, я поняла, что вышла за него замуж только потому, что все в один голос убеждали меня в том, как он мне подходит.

И еще потому, что это казалось мне вполне естественным и логичным. Я хотела, чтобы все было хорошо, я прилагала все силы, чтобы спасти наш брак, но что я могла? С Уэйдом я никогда не испытывала ничего подобного тому, что заставил испытать меня ты. — Ее голос упал почти до шепота. — Никто не доставлял мне столько удовольствия.

Гейб поставил на стол баночку с кокой, неожиданно осознав, что его пальцы оставили на жестянке глубокие вмятины.

— Ни один человек никогда не скажет тебе, что я — подходящая для тебя партия.

— А мне плевать.

— Я терпеть не могу закрытые клубы и не люблю ходить на весенние балы.

— Я и не прошу тебя их любить.

— Завтра мне может попасть шлея под хвост, и я поставлю все, что у меня есть, на один оборот колеса.

Келси очень хорошо представляла себе, как Гейб это продвигает, но ее судорожно сжатые пальцы расслабились и спокойно легли на подлокотники кресла.

— Мне кажется, колесо уже вращается вовсю. Может быть, ты просто недостаточно азартный игрок, чтобы сделать ставку.

— Ты никак не можешь разобраться в своих чувствах ко мне! — Эмоции захлестнули его с такой силой, что, схватив Келси за плечи, Гейб едва не оторвал ее от пола. — Но ты

стараешься! Боже, я буквально слышу, как в этой прелестной головке со скрипом поворачиваются шестеренки. Но ты пока ничего не знаешь наверняка.

– Ты мне нужен. – Сердце Келси отчаянно забилося в груди. – Я никогда никого не хотела так, как хочу тебя.

– Но я заставлю тебя отдать мне все и даже больше. Стоит мне зацепиться, и меня уже не стряхнешь. Если бы ты была похитрее, ты десять раз подумала бы о последствиях, прежде чем затевать интрижку со мной. И скорее всего ты бы убежала без оглядки!

Келси покачала головой, но Гейб уже подхватил ее на руки.

– Слишком поздно.

– Как и для тебя, – пробормотала она, устраиваясь так, чтобы дотянуться губами до его шеи. – Я не убегаю, Гейб. Я бегу за тобой.

Она знала, что ей теперь делать, чего ждать, на что надеяться и о чем молить. О страсти, об исступлении и любви... Келси почти мечтала о боли, зная, что Гейб сумеет и успокоить ее, и снова заставить изнывать от страсти, пока каждая жилка в ее теле не задрожит, словно под током. И счастьем было осознавать, что и он сам испытывает такое же желание, задыхается от страсти, вскрикивает от наслаждения, которым они щедро одаривали друг друга с каждым прикосновением.

Не выпуская друг друга из объятий, они попятились, спо-

ткнулись о кровать и рухнули на нее, лихорадочно сражаясь с пуговицами и крючками, пока одежды не пали с них на-земь, словно осенние листья. Они стремились поскорей обнажиться, чтобы испытать наслаждения, рождаемого простым прикосновением к коже, чтобы надышаться запахом друг друга и попробовать на вкус солоноватую упругость тел, ибо все это было лишь восхитительной прелюдией к утолению их самого главного желания.

Вот рука Гейба скользнула по ее отвердевшим грудям к бедрам. Ощущение, рождавшееся у него в кончиках пальцев, было удивительным; он отчетливо представлял каждый дюйм этого желанного тела, каждый его мягкий изгиб, каждую ямочку. словно слепой, исследующий при помощи рук фактуру и форму, он изучал ее тело, которое знал уже так хорошо.

Келси... Она была всем, чего Гейб хотел в жизни, за что сражался и рисковал. И вот она трепещет под ним, нетерпеливая, жадная. Его, только его...

Ее тело неожиданно взвилось вверх, и вот Келси уже оседлала его. Одним неуловимо быстрым движением она заключила Гейба в тесном пространстве между горячими, влажными стенами и выгнулась назад, чтобы принять его в себя сколь возможно полнее. Ее руки слепо зашарили по одеялу, потом поймали его пальцы и уже не отпускали больше, пока оба неслись навстречу безумию.

Последнее, о чем Гейб успел подумать, это о том, что те-

перь действительно слишком поздно. Слишком поздно для них обоих.

Утро выдалось ненастным. Плотные тучи затянули небо, воздух казался плотным и сырым, а все цвета поблекли и приобрели серо-свинцовый оттенок. Время от времени из облаков проливался холодный дождь, и его крупные капли падали на землю, словно острые жалящие стрелы. Несмотря на непогоду, на скаковом круге суетились люди и машины, заново рыхля и разравнивая жирную темно-коричневую землю. Дорожка в Пимлико была хорошо дренирована, но рабочие и персонал ухаживали за ней с таким тщанием и любовью, с какими иной конюх не ухаживает за доверенным его попечению скакуном.

Дождливая погода не испугала ни зрителей, ни прессу. Перед стартом первой скачки трибуны были уже полны; яркие зонтики плыли над серой толпой, словно разноцветные осенние листья по лужам; в помещении клуба тоже было не протолкнуться — здесь, в сухости и тепле, владельцы пили пиво с креветками и внимательно следили за событиями на экранах установленных здесь мониторов.

Из-за погоды Келси пришлось отказаться от полотняного платья, которое она планировала надеть с самого начала, и облачиться в джинсы и башмаки. Зато благодаря этому рабочему костюму она могла оставаться в конюшне сколько угодно времени и не торопясь украшать лилиями светлую гриву

старого Юпитера, которому была доверена честь выводить Прилива на старт.

Ничто, по мнению Келси, не располагало к размышлениям больше, чем дождливый день.

Шесть месяцев тому назад она даже не подозревала о существовании Наоми. Она не знала мира, неотъемлемой частью которого она теперь стала, и не интересовалась им. Два года она плыла по течению, преследуемая горестными мыслями о своем неудачном браке и о некоторых своих особенностях, которые она порой воспринимала как отсутствие сексуальности. Работа, которая у нее была тогда, более или менее ее удовлетворяла, и все-таки Келси частенько задумывалась о том, чтобы бросить надоевшее место и подыскать что-нибудь новенькое.

Что именно? Этого она не знала. Всегда подворачивалась какая-то новая работа, новое занятие, новое путешествие. Келси нравилось считать, что эти беспорядочные, судорожные метания стимулируют ее мозг, однако на самом деле они были просто попытками заполнить пустоту, в самом существовании которой она боялась себе признаться и природу которой не в силах была понять.

Не занята ли она тем же самым сейчас? Не пытается ли она использовать «Три ивы», Наоми, Гейба, чтобы заполнить пустоту внутри, заткнуть трещины, появившиеся в стенах ее одинокой башни? Может быть, пройдет время, и она снова отправится дальше по течению с новым разочарованием в

неудовлетворенной, ищущей душе? Или ей все же стоит довериться чувствам, прорастающим в ее душе? Отношения Келси с матерью, становившиеся с каждым днем все более близкими и доверительными, прошли долгий путь от гнева и подозрительности до уважения и любви. Почему бы ей – хотя бы просто для разнообразия – не признать, что она не просто нашла свое место на ферме, но и заслужила его?

А Гейб? Может быть, стоит перестать предаваться рефлексиям и самоанализу и начать наслаждаться тем, что между ними происходит? Вчерашней ночью, когда они лежали в одной постели, у Келси не было никаких сомнений на сей счет. И никакие мысли не помешали ей разбудить его на рассвете, чтобы заняться неторопливым и спокойным сексом.

Возможно, во всем виновата ее неизменная, словно раз и навсегда высеченная в камне, шкала ценностей, ее непримиримый максимализм в восприятии хорошего и плохого, черного и белого, равно как и гипертрофированное чувство долга и ответственности. Если бы не это, разве могла бы Келси позволить Наоми питать какие-то надежды, сама толком не зная, как долго она пробудет на ферме? Разве завела бы она любовника, разве наслаждалась бы близостью с ним, если никто из них даже шепотом не произнес «люблю...»?

Да, наверное, она слишком непреклонна и упряма. Если человек не способен радоваться самым простым и естественным вещам, не пытаясь искать за ними скрытый смысл, то

что можно сказать о его характере? Или сегодняшняя хандра Келси хотя бы отчасти объясняется тем, что ее бывший муж снова женится и, быть может, в эти самые минуты, пока она вплетает цветы в лошадиную гриву, как раз приносит клятвы любви и верности? Те самые клятвы, которые он однажды уже нарушил?

Хватит об этом думать, перебила Келси сама себя. Все это в прошлом; ей же надо глядеть вперед, благо она чувствовала, что больше не плывет по течению. У нее появилась цель, и вместе с ней – множество вопросов, на которые она хотела бы найти ответы. Логика подсказывала Келси, что начинать следует с самого начала – с событий двадцатилетней давности, и она уже твердо решила, что в понедельник утром первым делом позвонит Чарльзу Руни и попросит его о встрече.

Когда они выходили в паддок, дождь в очередной раз прекратился, и сквозь разрывы в облаках проглянули лучи нежаркого солнца, осветившие мокрые крыши и падающие с карнизов капли. Водосточные трубы музыкально журчали, а дождевая вода растекалась по земле, превращая ее в грязь.

Прикрыв глаза рукой, Келси исподтишка бросила взгляд на Боггса. За две недели, прошедшие после дерби, он сильно постарел и казался незащищенным и растерянным. Келси знала, что его назначили конюхом Прилива не только за его профессиональные качества, но и для того, чтобы помочь ему скорее оправиться после гибели Горди.

– Дождь нам на руку, – сказала она Боггсу, надеясь хоть

немного развеять его печаль. – Прилив любит мокрую дорожку.

– Добрый жеребец, – отозвался Боггс, растерянно потрепав чалого Прилива по шее. – Спокойный и добрый. Может быть, сегодня он преподнесет нам сюрприз.

– По последним данным, на нас ставят пять к одному.

Боггс пожал плечами. Размеры ставок его не волновали.

– Он не много бегал в этом году, поэтому люди не знают, на что он способен. Как бы там ни было, он заканчивал гонку в призах чаще, чем оставался в битом поле. Если его попросить, он пройдет как надо.

Но не как Горди. Боггсу не нужно было произносить это вслух – Келси и так поняла его.

– Тогда я попрошу его. – Келси подошла к жеребцу и, встав возле его головы, потянула за уздечку так, чтобы заглянуть коню в глаза. Они показались ей мудрыми и, как верно подметил Боггс, добрыми.

– Ты ведь побежишь, маленький? Так быстро, как только можешь?.. Молодец, зайчик, вот увидишь, как все будут рады...

– Ты не просишь его выиграть? – Наоми неслышно подошла сзади и положила руку на плечо Келси. Этот внешне обыденный жест почему-то особенно трогал обеих, и, прежде чем ответить, Келси на мгновение замерла, наслаждаясь ласковым и дружеским прикосновением.

– Нет, – сказала она наконец. – Иногда победа бывает не

так важна, как стремление победить. – Оборачиваясь к Наоми, она заметила Рено, печально стоявшего в сторонке. Его рука все еще была в лубке, а осунувшееся лицо казалось бледным и изможденным.

– Встретимся в ложе через пару минут, – бросила она и поспешила к жокею.

– Я знала, что увижу тебя здесь, – приветствовала она Рено. – И очень рада.

– Вот... – Рено грустно улыбнулся. – Не смог усидеть дома.

Он и вправду твердо решил остаться дома, ибо меньше всего ему хотелось, как говорят жокеи, «стоять с палочкой» – то есть наблюдать с трибуны за тем, как другие сражаются за победу и берут призы.

– Думал, посмотрю по телевизору, но... В общем, опомнился я только в такси, на полпути к ипподрому.

– Ничего, скоро ты снова будешь в седле.

Странная судорога исказила лицо жокея, и он поспешно отвернулся от Келси, от дорожки, от лошадей.

– Не знаю, хватит ли у меня смелости, – глухо пробормотал он. – Этот конь заслуживал лучшего, а я...

– И ты тоже, – тихо сказала Келси.

Санчес покачал головой.

– Я всю жизнь мечтал о победе на дерби. Можно переменить дюжину лошадей, выиграть дюжину скачек, но дерби только одно. И оно уже в прошлом.

– На будущий год состоится еще одно дерби, – напомнила Келси. – Дерби проводится каждый год.

– Не знаю, захочу ли я еще раз пытаться. – Жокей поглядел через плечо Келси, и лицо его вдруг застыло. – Ну ладно, удачи вам сегодня, – быстро попрощался он и отошел. Келси обернулась.

Лейтенант Росси заметил поспешное бегство Санчеса и мысленно занес его в свою записную книжечку. Келси, похоже, тоже не выказывала особенной радости при его появлении, однако такой пустяк не мог смутить лейтенанта. Подойдя к ней, он сказал:

– Пасмурный сегодня денек.

– Минуту назад мне казалось, что погода начинает проясняться.

Росси улыбнулся, показывая, что понял намек.

– Я тут решил прогуляться и, может быть, получить дружеский совет насчет исхода сегодняшней скачки.

– Вряд ли у вас что-то получится, лейтенант. – Келси повернулась и медленно пошла к конюшне. Она знала, что от полицейского так просто не отделаться, и на лице ее появилось выражение усталой покорности судьбе. – Вы чересчур похожи на копа.

– Профессия накладывает свой отпечаток, мисс Байден. Так вот, насчет совета... Я не считаю себя великим знатоком лошадей, но ваш сегодняшний жеребец показался мне слишком маленьким. Я прав?

– Так и есть – его рост составляет всего четырнадцать ладоней. Но вы, наверное, пришли сюда не для того, чтобы говорить о лошадях?

– Вот и ошиблись, мисс Байден. Именно о лошадях я и намерен с вами побеседовать. – Он протянул ей пакетик арахиса и, когда Келси отрицательно качнула головой, выбрал себе орех покрупнее и громко хрустнул.

– Я предпринял кое-какие исследования, и мне сказали, что существует довольно много способов умертвить лошадь, не оставив следов. Некоторые из них довольно жестоки.

– Да, я знаю.

Хотя лучше бы мне этого не знать, подумала Келси. Мэтт Ганнер долго отнекивался, но, когда она загнала его в угол и потребовала ответов на свои вопросы, сдался и выложил все, что ему было известно. Можно было убить лошадь, загнав ее в лужу и поднеся к носу два провода, соединенных с контактами аккумуляторной батареи. Убийство, совершенное этим жестоким и хитрым способом, иногда можно было и не распознать, если только ветеринар не заметит в ноздрях следов от ожогов. Но еще хуже был способ, когда в ноздри коню вставляли шарики от пинг-понга. Лошади не умеют дышать ртом, и вытолкнуть шарики им тоже не под силу. В результате несчастное животное погибало долгой, мучительной смертью от удушья.

– Но ваш жеребец Гордость Виргинии, – продолжал между тем Росси, – был не просто убит. Он был убит на глазах

миллионов телезрителей и болельщиков. Тот, кто это сделал, сильно рисковал, а преступники, как правило, не склонны подвергать себя излишней опасности. Вот я и подумал, что это было сделано с умыслом, с дальним, так сказать, прицелом. И кто-то, несомненно, что-то на этом выгадал, заработал. Скажите, мисс Байден, кому было выгодно публично скомпрометировать вашу мать?

– Понятия не имею, – машинально откликнулась Келси и вдруг остановилась. Подобное предположение, исходящее из уст лейтенанта, могло означать только одно: в его глазах Наоми из подозреваемой сделалась жертвой. – А вы серьезно думаете, что кто-то пытался скомпрометировать ее? – спросила она с неподдельным интересом.

– На мой взгляд, эта версия заслуживает внимания, – спокойно сказал Росси. – Правда, жеребец был застрахован на большую сумму, однако, насколько мне известно, в «Трех ивах» нет никаких серьезных проблем с наличностью. В перспективе этот жеребец мог принести значительный доход хотя бы как производитель, так что у вашей матери, которая широко известна своим трезвым и в высшей степени деловым подходом к вопросам бизнеса, вряд ли могли быть корыстные мотивы для совершения данного преступления. Остается Слейтер...

– Он не имеет к этому никакого отношения! – с горячностью перебила Келси.

– Ваш ответ продиктован личными чувствами, – возразил

Росси, скрыв, что именно такого ответа он от нее и ожидал. – Так что давайте ненадолго отвлекуемся от ваших симпатий и антипатий и проанализируем всю ситуацию хладнокровно. Вам, должно быть, известно, что для того, чтобы расследовать убийство – любое убийство, – нужно выяснить, кому оно было выгодно. Надеюсь, вы не станете отрицать, что мистер Слейтер очень хотел выиграть дерби и, возможно, заработать на тотализаторе большие деньги. Но дело-то как раз в том, что это печальное событие бросает тень на него самого и на его победу. Вот я и спрашиваю себя, стоило ли одно другого? Насколько мне известно, его жеребец скорее всего и так был бы первым, так зачем же ему понадобилось, извините, самому себе наплевать в кашу? Да еще на глазах у стольких людей? Лично мне мистер Слейтер показался довольно умным человеком.

– Не личными ли чувствами продиктовано ваше заключение, лейтенант? – не без иронии осведомилась Келси.

– Отнюдь, мисс Байден. Мистер Слейтер далеко не единственный, кому гибель вашего фаворита могла принести дивиденды. Есть его тренер, его жокей – они ведь тоже получают свой кусок призового пирога. Да и любой человек из тех, кто играет на скачках по-крупному, был бы не прочь спутать карты и отхватить куш.

Келси язвительно рассмеялась и оглядела битком набитые трибуны.

– Это, конечно, сужает круг поисков, лейтенант.

– Гораздо больше, чем вы думаете, – парировал Росси и не без самодовольства поглядел в ту же сторону. – Гораздо больше, коль скоро это связано с двумя убийствами. Кому Липски доверял – или кого он боялся – настолько, чтобы подпустить к себе достаточно близко? Может быть, это был человек, которого он хорошо знал? Работал с ним? Или работал на него? Не забывайте, мисс Байден, в той гонке было не две лошади, а гораздо больше. Да и дерби – это не только церемония награждения...

Келси снова остановилась, чтобы посмотреть лейтенанту в лицо.

– Почему вы все это мне говорите?

– Потому что вы – свежий человек. Вы в состоянии увидеть гораздо больше, чем все остальные. – Росси замолчал, чтобы разгрызть еще один орех. – И вы – человек не посторонний. Во всяком случае, ваши отношения с мисс Наоми... Не всем они по душе.

Келси поняла, что лейтенант неплохо осведомлен о ее семейных обстоятельствах. Что ж, следовало ожидать, что он попытается выяснить подробности ее биографии.

– Это семейные дела, лейтенант. Они не имеют никакого отношения к убийству.

– Я мог бы рассказать вам десятки любопытных случаев, но ограничусь лишь тем, что скажу: семейные дела заканчиваются убийством намного чаще, чем все остальные. Могу показать официальные статистические данные. Я просто

прошу вас быть внимательной.

– Я достаточно внимательна, лейтенант. – Келси остановилась, не желая вести Росси дальше к конюшням, чтобы Наоми не увидела его и не расстроилась. За считанные минуты до старта это было бы ни к чему. – А теперь, если позволите, я хотела бы присоединиться к моей матери. У нас много дел.

– Удачи вам! – Лейтенант взмахнул рукой, достал из пакета еще один орех, с видимым удовольствием положил его в рот и разгрыз. Что-то подсказывало ему, что расколоть Келси Байден будет гораздо труднее.

Келси вошла в бокс как раз в тот момент, когда конюхи начали седлать лошадей.

– Я уж думала, ты не придешь, – сказала Наоми.

– Я кое-кого встретила, – пробормотала Келси и перевела взгляд на Гейба. Быть здесь – как это похоже на него, подумала она. Стоять с ними, вместо того чтобы присматривать за своим вороным, как делали это другие владельцы. Взяв его за руку, Келси быстро ее пожала. – Как насчет дополнительной ставки, Гейб?

– Ты все еще должна мне за первый раз, – напомнил он.

– Тогда пусть будет двойная ставка. Дело того стоит. – Келси поднесла к глазам бинокль и стала внимательно рассматривать выходящих на старт лошадей.

– Итак, твой вороной будет первым у столба и выиграет у ближайшего преследователя примерно два корпуса. Трек сильно размок, но я уверена, что время Дубля будет не боль-

ше минуты и пятидесяти восьми секунд. Наш жеребец придет третьим с результатом две-двенадцать.

Гейб удивленно приподнял бровь. От такого пари не отказался бы ни один мужчина. Так ли, эдак ли, здесь не проиграешь, решил он.

Раздался стартовый выстрел. Дубль и его жокей с самого начала совершили стремительный бросок и захватили лидерство. Келси даже подумала, что оба – и конь, и всадник – чувствовали, что им необходимо доказать. Кроме того, Дубль был настоящим чемпионом, крэком экстра-класса, который не нуждался в понуканиях и кнуте, чтобы, оставив позади группу, стрелой лететь к финишу. На первом повороте он был впереди уже на полкорпуса, в то время как арканзасский гнедой и чалый кентуккиец отчаянно боролись за второе место.

И снова Келси забыла обо всем, наблюдая за перипетиями борьбы. Прижимая к глазам бинокль, она мысленно торопила участников скачки, видя только их – залепленных грязью могучих бойцов и их застывших в стремени всадников, а не трагическое падение Горди, которое, как она опасалась вначале, будет еще долго преследовать ее.

Вот только туман и дождь, мелкий и по-осеннему холодный, смазывали картину, заставляя окружающее расплываться. Да, это, конечно, только дождь...

Между тем Дубль выигрывал уже целый корпус. Красно-белые бинты на его ногах давно стали желтовато-бурыми

от грязи; жокей на стременах был похож на летящий по ветру плюмаж ярких перьев на спине скакуна, и Келси неожиданно для себя засмеялась громким и счастливым смехом.

И в этот момент от основной группы отделился Прилив, отделился столь неожиданно, что у Келси захватило дух. Напрягая все силы, он выбрасывал вперед длинные сухие ноги, пожирая пространство и взрывая копытами раскисшую мокрую землю. И столь велика была его жажда борьбы, славы, победы, что он начал нагонять ведущую тройку.

Между тем Дубль продолжал наращивать свое преимущество, и толпа на трибунах ревела, подбадривая его нестройными пронзительными криками. В этом шуме утонули все остальные звуки, включая и громовой топот копыт, и Келси казалось, что громче уже и быть не может, но тут Прилив стремительным броском вырвался на третью позицию, и трибуны грянули так, что у Келси чуть не лопнули барабанные перепонки.

Да, это был боец! До финиша оставалось совсем немного – пройти последний поворот и короткий отрезок прямой до столба, – и Прилив понесся во весь опор, понемногу нагоняя лидеров.

– Боже мой, мама! Ты только посмотри на него!

– Я вижу... – Слезы смешивались на лице Наоми с дождевой водой, и она крепко обхватила Келси за талию.

Скачка финишировала. Букет огненно-черных лилий достался вороному Дублю, но Прилив сумел обогнать аркан-

засского жеребца и был у столба вторым.

– Он сделал это! – Келси выпустила из рук бинокль на ремне. – Молодец, малыш!

Она бросилась к Наоми и крепко обняла мать, громко смеясь от радости.

– Никто из нас даже не мог себе представить, что так будет! Никто из нас не верил!.. – Келси выпустила Наоми и, повернувшись к Гейбу, повисла у него на шее. – Поздравляю! А какое время? Какое время показал Дубль?

Гейб протянул ей секундомер и улыбнулся, когда Келси нетерпеливо выхватила его у него из рук. Секундомер показывал одну минуту и пятьдесят семь минут с четвертью.

Она снова засмеялась, не обращая внимания на дождевую воду, которая стекала с мокрых волос на лицо.

– Габриэл Слейтер, вы только что выиграли Прикнесс – второй бриллиант всеамериканской Тройной Короны. Каковы ваши дальнейшие планы? Вы отправитесь праздновать победу в Диснейленд или?..

– Я поеду в Бельмонт, – Гейб улыбнулся и, подхватив Келси, закружил ее в воздухе и поцеловал. – Мы поедem в Бельмонт!

Внутри помещения клуба Рик Слейтер улыбнулся экрану монитора, на котором появилось изображение его сына и Келси, и одним глотком прикончил почти полстакана выдержанного виски. Красивая пара, подумал он. Двадцать лет назад такую же пару могли бы составить он сам и Наоми, ес-

ли бы эта сучка не слишком задирала нос.

Эта мысль промелькнула в его затуманенном алкоголем мозгу и исчезла. У него было о чем подумать, кроме этой смазливой мордашки, и было что праздновать.

Десять из ста тысяч долларов, которые ему удалось выдохнуть из Канингема, он поставил на Дубля и теперь был весьма доволен выигрышем.

Во всяком случае – пока...

– Надеюсь, ты не будешь возражать, если я... – Негромко хлопнув пробкой, Келси ловко открыла шампанское. Она уже выпила несколько бокалов легкого, искристого вина в номере у Наоми, но до конца вечера было еще далеко.

– Я намерена прикончить всю бутылку, – заявила она. – И, возможно, стану совсем пьяная.

Гейб сидел в кресле, по обыкновению вытянув перед собой скрещенные ноги. Он мечтал о долгом горячем душе для двоих, но теперь решил, что это может подождать. Ему было любопытно, какие еще признания могут сорваться с языка Келси после бутылки шампанского.

– Ты же знаешь – я не употребляю спиртного, но это не мешает мне любоваться тем, как ты напиваешься, – заметил Гейб.

– Да, и напьюсь! – решительно сказала Келси, наливая первый бокал и разглядывая золотистые пузырьки, которые устремились к поверхности со дна высокого и узкого бока-

ла. – Между прочим, я еще ни разу в жизни не напивалась до положения риз. Пару раз я была близка к этому, но мне всегда удавалось вовремя остановиться.

Она отпила большой глоток и экспансивно взмахнула рукой, чудом не расплескав остатки шампанского.

– Воспитание, черт его дери! В клубе нельзя надраться, потому что пойдут разговоры. На вечеринке тоже нельзя сорваться с цепи – станешь предметом сплетен и пересудов. – На этот раз она взмахнула бутылкой. – Байдены не могут себе этого позволить!

– А что они могут себе позволить?

– О-о... Много чего. Байдены обязаны служить примером для подражания, вызывать уважение, восхищение, а для этого необходимы порядочность и безупр... безупречное поведение.

Келси закрыла один глаз, поскольку окружающее начинало понемногу двоиться, и наполнила свой бокал.

– Ну и черт с ними со всеми, – закончила она решительно. – Пусть почешут языки. Мы ведь победили, верно? Я до сих пор не могу поверить...

– Да, победили. – Гейб улыбнулся ей. Келси стояла на ковре босиком; ее волосы наконец высохли и приобрели цвет бледного золота.

– Все наши были просто подавлены, – продолжила она. – Конечно, они старались не падать духом, но это было не так-то легко. Я встретила Рено в паддоке... Знаешь, у меня чуть

сердце не разорвалось, на него глядячи... – Она вздохнула и, сделав глоток шампанского, решила, что ей нравится стоять посреди вращающейся комнаты. Не выпуская из руки бокала, Келси дважды повернулась вокруг собственной оси, стараясь ускорить это восхитительное вращение.

– Сделай это еще раз, – попросил Гейб, которому понравилось смотреть, как плавно взлетали и опадали за спиной Келси ее пушистые волосы.

– Пожалуйста. – Келси озорно захихикала и совершила еще один оборот. – Видишь, все мои занятия – в том числе и уроки балета – тожегодились. Они приучили мое тело и мозг к диц... дисциплине. Погляди на мое тело – на нем кирпичи можно колоть!

– Я уверен, что найду для твоего тела лучшее применение, – хладнокровно вставил Гейб.

Келси снова рассмеялась, зная, что ему это вполне по силам и что в самое ближайшее время он действительно будет проделывать с ее телом самые удивительные и волшебные вещи.

– Мы говорили о скачках, – напредила она. – Надеюсь, что после сюрприза, который устроил сегодня Прилив, Рено немного приободрился. Ты же сам видел, как радовались Наоми и Моисей. И даже Боггс немного оттаял... Бедный старый Боггс! Он до сих пор казнит себя за то, что не удержался и поставил в тот день на Горди, хотя, конечно, Горди погиб не из-за этого. Просто некоторые люди умеют находить связь

между событиями, которые никак друг с другом не связаны. Вот и Росси тоже из таких...

– Росси?

– Угу. – Келси налила себе еще один бокал, а потом начала рассеянно расстегивать пуговицы на блузке. – Он тоже был здесь, говорит – приехал на скачки. Лейтенант говорил со мной... Или, скорее, я с ним. Похоже, в последнее время он преследует тебя просто как тень, все высматривает, вынюхивает, ищет подтверждения своим теориям. Знаешь, что он мне сказал? Что кто-то хотел навредить Наоми. Но почему? Почему кому-то понадобилось делать ей больно и заставлять людей гадать, не она ли сама все это подстроила?

Гейб с трудом оторвал взгляд от плавного, совершенного в своей красоте изгиба ее груди, показавшейся из-под расстегиваемой блузки. Почему-то ему казалось, что он должен сосредоточиться на словах Келси.

– Росси так думает?

– Кто знает? – Келси небрежно пожала плечами. – Этот тип, по-моему, никогда не скажет откровенно, о чем он думает на самом деле. Он... Ты следишь за моей мыслью? – перебила Келси сама себя и, не дождавшись ответа, промолвила: – Мне кажется, он специально говорит такие вещи, которые застревают в голове и начинают сводить тебя с ума. Слава богу, он, похоже, на самом деле перестал смотреть на Наоми как на подозреваемую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.